

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
НАУЧНЫЙ СОВЕТ
«ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»
КОМИССИЯ ПО СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ
ПРОБЛЕМАМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ

А.И. НЕКЛЕССА

«НОВЫЙ КЛАСС», ИЛИ КТО СТРОИТ МИР?

**МОСКВА
2004**

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ

Авторская серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.8 (весна 2004 г.).
А.И. Неклесса. «Новый класс», или кто строит мир? / Научный Совет РАН «История мировой культуры». – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2004.

PERSONALIA

Александр Иванович Неклесса. Заместитель директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН (ИНЭС). Заведующий Лабораторией геоэкономического анализа и проблем социального развития ИАФРАН. Руководитель межотраслевого центра «Геоэкономика». Член Экспертного Совета по проблемам инновационной политики и развития человеческого потенциала при Совете Федерации ФС РФ.

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА», работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим в Службе стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, советником агентства «СОКРАТ».

Автор примерно 300 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Более 25 лет проработал в системе Российской Академии наук. Член Бюро Научного совета РАН «История мировой культуры», председатель комиссии по социокультурным проблемам глобализации. Действительный член Философско-Экономического Ученого Собрания МГУ им. М.В. Ломоносова.

Основные направления исследований: 23.00.04 – политические проблемы международных отношений и тенденции глобального развития; геоэкономика; стратегический анализ и планирование; философия истории.

электронный адрес: neklessa@mail.ru

Выпускающий редактор *Т.И. Рудакова*
Компьютерная верстка *Н.Н. Никольский*
Компьютерный набор *С.И. Иванова*

© 2004, А.И. Неклесса

ЛЮДИ ВОЗДУХА

ПОВЕСТКА НОВОГО ВЕКА

Российский пейзаж, утрачивая прежнюю пестроту, обретает, тем не менее, дополнительные краски: в стране складываются предпосылки нового формата политической культуры, способной потеснить и отчасти трансформировать старую – деградирующую и распадающуюся. Формула актуальной практики реализуется на фоне поддерживаемых народом авторитарных тенденций, политтехнологической прагматики и одновременно – социальной инициативы динамичного субъекта исторического действия: «нового класса», связанного с постиндустриальным производством и враждебного прежнему порядку вещей. Иначе говоря, хотя распоряжение властью в России по-прежнему происходит в стороне от театрально-партийных инсценировок, ситуация может кое в чем измениться...

Частное лицо, гражданин Российской Федерации Михаил Ходорковский (или, возможно, не он) писал в ставшем знаменитым манифесте-покаянии олигархата «Кризис либерализма в России»: *«Что мы можем и должны сегодня сделать? Назову семь пунктов, которые представляются мне приоритетными... (5) Оставить в прошлом космополитическое восприятие мира. Постановить, что мы – люди земли, а не воздуха»* Что же имел в виду бывший председатель правления и крупнейший совладелец нефтяной компании «ЮКОС», а ныне находящийся под следствием заключенный СИЗО № 4, когда говорил о «людях воздуха»; и – вопреки собственным формальным декларациям – вступив тем самым на хрупкий лед политического действия, с кем и с чем он начал полемику и диалог?

I. «НОВЫЙ КЛАСС», ИЛИ КТО СТРОИТ МИР?

Долгое время мы не понимали революции, свидетелями которой являемся: долгое время мы принимали ее за событие. Мы заблуждались, это – эпоха.

Жозеф де Местр

Жизнь общественного духа проявлялась некогда преимущественно в религиозных формах, затем был длительный период, когда она представала в идеологических одеждах. Ныне социальная и политическая практика смещаются в какую-то иную, не вполне ясную, но интригующую область, определяемую до поры как «политтехнологическая».

Один из «проклятых» вопросов, постоянно, хоть и на разные лады, повторяющийся при обсуждении российского политического ландшафта – причем не только среди специалистов – о вероятном контртезисе его нынешнему однообразию и монотонности. Однообразию, чреватому, в конечном счете, крахом культуры публичной политики и распадом основ представительной демократии.

Какой будет «цветовая гамма» следующего поколения политтехнологических проектов и партийно-политических претензий? Что за идея может оказаться стимулом перемен, оживляя нерв политической интриги и подогревая угасающий партийный энтузиазм? Кто станет ключевым субъектом, способным к обоснованной амбиции, к властному прозрению иной версии российской участи, прочерчивая для страны и народа долгосрочную перспективу? Наконец, какой окажется социальная стилистика и политическая география *«России после Путина»*, когда в раскрывшейся просторности XXI века отойдут в прошлое конъюнктурные скрепы и опоры современного типа власти?

Сумма всех этих позиций сводима, в сущности, к исторической дилемме: способности России-РФ эффективно подтвердить либо безнадежно утратить право на поновому прочитанное суверенное, осмысленное существование в Новом мире. Причем, вероятность перемены пейзажа, сопряжена не только с высокой концентрацией проблем и угроз, но также с заметным изменением качества самостояния российского общества и государства в смысловом пространстве новизны, дефицитностью их концептуальной и интеллектуальной опоры в мире, оперирующем все более сложными семантическими конструктами, с развитием альтернативной системы ценностей, с ростом энергий и социального капитала неопознанных в суе обитателей будущего.

И центральный вопрос сюжета: о скрытом до поры лидере перемен – том неизменно возвращающемся в политическую интригу загадочном, но безликом до поры персонаже, который, открываясь в историческое одночасье, становится признанным временем и обстоятельствами воплощением «героя с тысячью лиц».

БИТВА ЗА НОВУЮ ЗЕМЛЮ

Грядет революция! Она будет отлична от революций прошлого, устремившись на этот раз непосредственно к человеку, а не классам.

И, прежде всего, она затронет культуру, изменения же политических структур совершатся лишь на последнем этапе.

Чарльз Райх

Последние десятилетия прошлого века стали поворотным моментом в динамике правящего слоя, временем его исторической трансформации. Я имею в виду становление крайне эклектичного класса новой, трансграничной элиты – магистров свободных искусств, выпускников престижных и не столь престижных университетов, интеллектуалов, интеллигенции, т.е. людей, управляющих смыслами, целеполаганием общества, образами его будущего, кодексами поведения, информационно-финансовыми потоками, геоэкономическими композициями (а не, скажем, товарными или промышленными элементами практики). Людей, связанных с нематериальным, «воздушным» производ-

ством, которые по-своему, иначе, нежели предшествующая им элита «третьего сословия», прочитали понятия свободы, транснациональности, универсализма и культуры.

В XX веке, шаг за шагом занимая все более важные, стратегические высоты, данная субкультура становится влиятельной и доминантной. За столетие она проделала впечатляющую эволюцию: от проектирования социальных и инженерных утопий – через создание полифоничной инновационной индустрии, включая как военно-конструкторскую отрасль, так и гуманитарно-политтехнологическую культуру – перешла к тектоническим подвижкам в диапазоне от «революции менеджеров» до социального переустройства планеты, строительства нового общественного/мирового порядка. И произвела при этом на свет поколение энигматичных мутантов: поколение «людей воздуха», включая порождаемые и управляемые ими амбициозные национальные и транснациональные неокорпорации. Сейчас не только геоэкономические фантазмы, но даже войны становятся, прежде всего, высокоинтеллектуальными операциями, что порою позволяет выносить собственно боевые действия, ведущиеся к тому же «умным оружием», просто за скобки...

В энергичном рывке когорты эфирократии – трансграничная поросль, способная противопоставить собственное толкование власти государству (понижая тем самым статус своих «двоюродных братьев» – предшествующего поколения управленческой страты – бюрократической номенклатуры), объединяет политическую и экономическую, научную и гуманитарную элиты на основе нового прочтения тривиального, в сущности, афоризма, гласящего, что *«знание содержит мощь в себе самом»*. Или, как выразился бы марксист, что оно *«является непосредственной производительной силой»*. И таким обезличенным образом, обозначил истинного оппонента буржуазии – того исторического субъекта, который остался незамеченным основоположником соответствующего учения, хотя *диалектическая логика* в сфере прогностики – а соответственно и весь практический аппарат – явно от этого упрощения хромали. Действительно, разве рабы уничтожали прошлое и наследовали будущее античных государств либо крестьянство преодолеvalo горизонты феодализма? Но также и не пролетариату – этой симбиотической ипостаси капиталистического порядка вещей – было суждено сменить буржуазию в перманентной исторической эстафете, а иному, новому классу, проектирующему сейчас на планете основания своего миропорядка и обладающего собственным набором проблем, противоречий, перспектив, включая также определенную внутреннюю дихотомию.

Сужение исторического горизонта «классового противостояния» до цугцванга «борьбы эксплуатируемых и эксплуататоров» оказалось роковым заблуждением и, в некотором смысле, «самовоспроизводящимся пророчеством» для судеб XX века. Антонио Грамши и Франкфуртская школа остро ощутили эту социокультурную нищету «энергий будущего» в сформулированной Марксом и реализованной Лениным схеме. Хотя Маркс, возможно, оказался прав в другом: предшествующие глобальной драме события, действительно, оказались лишь прологом истории.

Впечатляющий прорыв произошел в последней трети прошлого столетия. В условиях постиндустриального уклада новая классово-корпоративная организованность получает небывалую по возможностям среду действия (*информационно-коммуникационную революцию*), целостный универсум для воплощения замысленного,

для экспансии своей специфической активности. Среду, в которой пространство инновационных трансценденций, информационных трансакций, финансово-правовых операций, рефлексивных инспираций – всей жизненной субстанции *knowledge-based economy*, представляло, в сущности, лишь первый завоеванный плацдарм. К тому же у просторности новизны, заселяемого активной популяцией, есть и другие, менее отчетливые горизонты, скажем, экзотичные по прежним меркам пандемично-полевые проекции... Концептуальная разведка, выявляя бродячих призраков-мутантов иноположенных миров, лишает их анонимности, прочерчивая почти что эшеровскую картографию грядущих перемен. Из всей сумятицы эскизов, мазков, зарубок – соединенных в причудливые, но целостные констелляции – выстраивается футуристическая архитектура психологически невероятного, однако социологически вполне возможного положения дел.

Тут, правда, возникает вопрос: так ли уж правильно называть все эти заносимые на прогностический планшет «острова иного смысла» – сливающиеся в глобальный, динамичный архипелаг, постиндустриальным миром? Скорее это пространство некоего другого индустриализма, развившегося на основе не столько научно-технических или промышленных, но преимущественно социогуманитарных и когнитивных технологий. И строящего в этой подвижной среде свои виртуальные, но одновременно вполне материальные города и предприятия. Виртуальные, с точки зрения совокупного объема материальных активов, однако более чем реальные, если измерять их весомость, скажем, по такой признанной шкале, как уровень рыночной капитализации.

Подобные амбициозные корпорации, невидимые колледжи, интеллектуальные фабрики, разнообразные клубы, сообщества и комиссии – вся эта гибкая индустрия наполняет мир осязаемой продукцией, материальной и нематериальной – в виде образов, смыслов, концептов, стереотипов, текстов, алгоритмов действия. Есть здесь и свой *haute couture*, и свой *prêt-à-porter*, уникальные образцы, «лекала», и продукция, практически, конвейерного, поточного производства. И даже специфический интеллектуальный хлам, пользующийся, однако же, массовым спросом, принося значительный доход. Но, прежде всего, это новое поколение технологий управления – рамочных, матричных, глобальных, формирующих пластичную топографию перемен, прочерчивая их нелинейные траектории, выстраивая подвижную социальную перспективу.

В сущности, именно переход культурной доминанты от технологий промышленных к механизмам нового уклада – управленческим, правовым, финансовым, предопределяет особую предметность постиндустриального театра действий. Что одновременно прочитывается как утрата приоритета промышленной индустрией, как своего рода «эйнштейнова революция» в социальной и политэкономической физике социокосмоса. На наших глазах социогуманитарная деятельность, равно как и рожденные в ее недрах технологии, начинают восприниматься не в качестве комплементарного «гарнира» к практической механике мира, но как сама плоть конструкций (*пост*)современности. И, напротив, – многие «объективные», индустриальные реалии – всего лишь как транзитные следствия угасающего огня эпохи Модернити. Судьбоносное *credo* разворачивающейся глобальной революции – источник радикальной правки исторического и политического текста, пересмотра его институциональных прописей и смысловых начал.

Признаком нарастающих перегрузок, чреватых системным кризисом, крахом здания Модернити, стало нарастание попыток сохранения его привычной композиции, умножение оптимизационных кодов, доминирование превентивных проектов. Что с определенного момента вело к очерчиванию мобилизационных перспектив – положение вещей, ставшее достаточно очевидным к началу третьего тысячелетия. Оптимизация, однако, лишь продлевает существование избранной композиции – правда, «в идеале» сколь угодно долго – но не возвращает утраченную ситуацию. Роли консерваторов и революционеров в очередном акте исторической драмы заметным образом переменялись: буржуазное сословие стало с некоторого момента «правым», консервативным (неоконсервативным) полюсом политической динамики. Его охранительные инстинкты проявляются в восприятии себя как бастиона цивилизации – они ощутимы, к примеру, в проектах гипергосударственности, контролирующей все и вся; а импульсы перемен – «дорожная карта» динамичного положения вещей – трактуются как угроза миру и безопасности. Что в свою очередь приводит к гиперболизации феноменологии «глобального терроризма», расширению его предметного поля, включению в соответствующую номенклатуру более широкого круга явлений.

На протяжении XX века механистичность прежнего исторического проекта подвергалась не только прямым атакам, но и планомерной ревизии. Наряду с попытками радикального переустройства общественного порядка, значительные усилия были употреблены для сохранения отдельных базовых характеристик, в том числе за счет умелого использования «энергий революционности», заимствуя порождаемые ими идеи и средства в целях специфической реконструкции уходящего мира.

Прочтение же Россией своего маршрута в бурном море (*пост*)современной реформации оказалось делом далеко не простым, а порою к тому же – весьма причудливым. *«И конца у этой книги нет...»*

ИГРА В КЛАССИКИ

Можно и нужно говорить о культурной революции, поскольку протест направлен против истеблишмента в целом...

Сложившиеся же ранее представления о революции, равно как и классическая революционная стратегия ныне канули в Лету...

Мы должны совершить тотальную реконструкцию системы.

Герберт Маркузе

Политическая атмосфера в России-РФ начала XXI века производит странное, отчасти парадоксальное впечатление: страна интенсивно осваивает просторность новизны, однако футуристический восторг изрядно подувал, будучи приправлен ощущением застоя, исторической паузы и даже местами архаизации социокультурного текста. Мы наблюдаем деградацию, «таяние», частичный распад недавно усвоенного языка, мутацию «классической» политико-правовой культуры, явление причудливых артефактов и квазипартийных химер, драматичное преобразование идеалов, перерождение институтов и концептов: публичной политики, представительной демократии, среднего класса, гражданского общества.

Рожденное в начале 90-х годов партийное многоголосье на протяжении десятилетия претерпевало заметные метаморфозы: коммунисты становятся консервативной организованностью, декларирующей свод национальных и патриархальных ценностей, поднимая на щит национальную буржуазию; либералы провозглашают себя правыми и демонстрируют превосходство элитаризма над демократией, пропагандируя ценности социал-дарвинизма; чиновничество организуется в партийно-политическую связанность под лозунгом радикальных реформ, вроде бы имеющих целью лишить госаппарат доминирующего положения в обществе; наконец, либеральную демократию представляет весьма специфичный политик из явного иного культурного измерения. Сцена же при этом оказывается, по сути, площадкой для одного актера, причем – актера, лишённого не только определенной партийной, но даже политической окраски и с некоторых пор старательно избегающего ее внятного определения. Характерна также вызывающая эклектика национального симерозиса (символы, праздники, «господа-чекисты» и т.п.), объединившего в гротескной синергии соки и токи, питавшие – из самых различных источников – трагическую российскую историю. В общем, *«все смешалось в доме Облонских...»*

Описать устройство подобного калейдоскопа, казалось, было бы совсем не сложно, исходя, скажем, из опыта постколониальных администраций Юга. С одной стороны – наличие форм, явно рожденных политической культурой Севера: институт президентства, парламент, регулярные и всеобщие выборы, принцип разделения и сменяемости властей; с другой – очевидное несовпадение содержательной стороны местных реалий с заморскими прототипами, распространение мимикрии, имитации конструкций мира Модернити (что, кстати, нашло отражение в элегантном определении: *управляемая демократия*). Подобный ответ, однако же, – при всех возникающих аллюзиях – пожалуй, не вполне удовлетворит исследователей глубин российского социокосмоса. Все-таки процессам, разворачивающимся в России, находятся аналоги и параллели не только в африканском или азиатском опыте партгосстроительства, кое-что отражает общемировую тенденцию кризиса культуры Модернити, яркую и провокативную феноменологию ее нынешней трансформации.

Во втором тысячелетии от Рождества Христова политическая культура европейского мира пережила две значимые фазы, характеризующиеся различной философией, категориальным аппаратом, обликом исторических субъектов и их оппонентов. Так, средневековая практика основывалась преимущественно на противостоянии сторонников империи и папства (*гибеллинов* и *гвельфов* на языке той эпохи), на состязательности квазирелигиозных обликов политического процесса (вскормив, к примеру, под покровом Реформации национализм), а ее историческим пределом стал кризис имперской формы мироустройства и распространение новой социальной институции – национального государства.

Данная трансформация предопределила появление иного проблемного поля, смену семантики и синтактики властного регулирования, обновление понятийного аппарата, перемену начал политической философии. Наиболее яркие образцы подобной семантики были созданы во времена Великой французской революции, на долгие годы определившей соотношение «правого» (*Côté Droit*) и «левого» (*Côté Gauche*), консервативного и революционного в сценариях эпохи, прочертив смысловые границы и обо-

значив позиции влиятельных игроков. Центральный конфликт определялся состязанием между двумя классами претендентов на доминирующее положение в обществе: живущих на ренту владельцев земных (*земельных*) пространств – лендлордов, аристократии; и обитателей иных (*деятельных*) пространств – людей третьего сословия, буржуазии.

Стремительное развитие этой культуры, обретение третьим сословием властных позиций (путем ли исторических компромиссов, как случилось в Англии, или в результате радикального переворота, как произошло во Франции) предопределило усложнение водораздела: с некоторых пор он пролегал также внутри «третьего сословия», между буржуа-предпринимателем и наемным трудом. До сего дня мы пребываем под грузом образов и стереотипов, лексики и фразеологии, созданных политической мыслью и ценностной иерархией Нового времени. Однако мир с тех пор существенно изменился. Привычное прочтение оппозиции «*правые-левые*» замещается иной логикой, противопоставляющей постсовременную перспективу (со своими обитателями) прежнему (буржуазному, промышленному) порядку вещей. А зона ответственности и свобода операций классического агента «священной частной собственности» – владельца-буржуа в большей мере контролируется социально-правовыми институтами, а также автономными финансовыми операторами, оторванными от конкретного вида производственной деятельности и действующими сугубо в пространстве информационных сетей. Но и в свою очередь подверженных властной конъюнктуре, подчиненных определенным, однако, время от времени меняющимся правилам игры.

Между тем, задолго до наших дней, еще в недрах средневекового общества пестовался актер, заявленный на исторических подмостках лишь под занавес второго тысячелетия, – это был представитель *Ordo Quartus*, деятель «нового класса». Четвертое сословие в каком-то смысле является наследником «промолчавшего» сословия первого, по-своему претендовавшего на светскую власть (вспомним о теории «двух мечей»), но уступившего мирское поле еще на заре новой истории в пользу имперских, коммунальных и национальных организованностей. Породив, однако же, напоследок плеяду особых клириков – транснациональное племя носителей интеллектуального ремесла, которые, пройдя сквозь ряд метаморфоз, выступили представителями динамичного сословия: как управленцы (*клерки*), политические деятели, юридические и финансовые гуру, как производители и трансляторы знания, владельцы образования, творцы властного нарратива, как пастыри массовой культуры и манипуляторы информационных потоков – все это удивительное смешение человек, не включенных в материальное производство, но занятых интенсивной, так или иначе, социально ориентированной деятельностью. Индустриальная и постиндустриальная цивилизация XX века вложила им в руки могучие рычаги...

Интеллектуальный мастер, человек-предприятие (*manterpriser*), «господин воздуха» становится все более влиятельным актором на планете. Сгущая и деятельно формируя пространства виртуальной картографии, четвертое сословие очерчивает горизонты будущего театра действий, который в одном из важнейших аспектов можно было бы охарактеризовать как «власть без государства». Реальность, в которой мы обитаем, есть не что иное, как *постиндустриальный барьер* – пространство смешения и совмещения ярких черт разных исторических эпох, место присутствия синкретичных, неред-

ко противоречивых форм. Гиперличность и новый терроризм, амбициозные корпорации и астероидные группы, «глобализация корпораций» и движение за альтернативную глобализацию, сетевая культура и произрастающие в ней «черви Муаддиба»: пандемиологические социохолоны, – все это пейзаж битвы за будущее, развернувшейся на планете.

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПЕРЕДЕЛ

Перемена культурного ландшафта потребует упорного труда по овладению СМИ: газетами, журналами, кинематографом, радио, но также и театрами, и школами, и семинарами. Равно как и подчинения себе искусства. Их надлежит постепенно... превращать в инструменты революции.
Антонио Грамши (в изложении Патрика Бьюкенена)

Появление на сцене «нового класса» в роли провозвестника, инициатора социальной перспективы предопределило закат эпохи Модернити и зарю постсовременного мира. Причем, сложившийся в ходе длительной исторической реконструкции буржуазный уклад подвергся атаке, подрывался и деформировался в течение XX века двумя версиями «опасного класса».

С какого-то момента субстанция буржуазного строя начинает активно разъедаться, трансформироваться футуристической группой, генетическими наследниками некогда отодвинутых в сторону представителей «судейско-журналистской» (разночинной) компоненты в составе третьего сословия, наследующих отчасти и властный потенциал бюрократии, развивавшейся в условиях национальной государственности. И в то же время некоторым образом воспроизводящих на новом витке истории элементы властных формул феодального мира, порождая, таким образом, своеобразную, однако по-своему жизнеспособную аристократическо-номенклатурную управленческую химеру. В тех же странах, где буржуазный уклад сумел противостоять натиску первой волны исторических перемен, постепенно вызревала совершенно новая социальная популяция, формировался истинный агент глобальной трансформации, тесно связанный с развитием постиндустриальных кодов производства и бытия.

Действительно, прошлое столетие на практике засвидетельствовало эти две типологии радикального обновления общества, выход на историческую арену двух «поколений» нового правящего слоя, их конкурентное восхождение к власти над миром.

Во-первых, это был джиласовский «новый класс» – номенклатура, расколовшая «буржуазную скорлупу», ломавшая порой прежний миропорядок «об колено». Применяя при этом в обновляемой среде достаточно решительные, но одновременно ригидные, преимущественно административные схемы управления, низводя собственника-буржуа до уровня подконтрольного субъекта в опыте корпоративной государственности, либо вообще выводя его «за скобку» бытия в эксперименте социалистической футуристики.

Во-вторых, – постиндустриальный «новый класс», также враждебный прежнему порядку вещей, однако нашедший в энергиях переворота возможность исторического

конкордата (отчасти напоминающий прежний компромисс рудиментов феодальной знати с нарождающимся буржуазным сословием) и способный к динамичному контролю над проявлениями турбулентной реальности. Конфликт между этими, достаточно различными ветвями древа новой политической культуры не ограничен, естественно, рамками XX века.

Последней по времени видимой границей эпохального поворота стал рубеж 60-70-х годов прошлого века – трамплин стремительного ускорения, совершенно особого темпа социальной и культурной динамики, зарождения нового поколения общественно значимых страт, систем и коммуникаций. Это время было охарактеризовано как «*вступление в фазу новой метаморфозы всей человеческой истории*» (Збигнев Бжезинский), «*великий перелом*» (Рикардо Диес-Хохлайтнер) или прямо как «*мировая революция*» (Иммануэль Валлерстайн). Уже в те годы разгорались дискуссии о горизонтах цивилизации, о необходимости серьезных коррективов ее развития, о стоящих перед человечеством глобальных проблемах, о будущей конфигурации социокосмоса и матрицах грядущего мироустройства. То, что на поверхности выглядело как «рябь на воде»: майская революция в Париже или контркультурные движения в США, на деле взламывало прежнюю ценностную иерархию, сложившиеся стереотипы, структуры повседневности («*театрализованная герилья*»), всю привычную стилистику бытия.

Годы эти стали эпицентром социокультурной революции, обозначившей границу взлета и падения мира Модернити, временем, когда забрезжил альтернативный образ человеческого сообщества, для которого и по сей день нет вполне адекватного определения, хотя попыток было сделано немало: *общество постиндустриальное, информационное, сетевое, конец истории, столкновение цивилизаций, новый мировой порядок, новая мировая анархия, новое варварство, реориентализация, глобализация, глокализация, постсовременность*. И которое я предпочитаю называть просто – *Новый мир*.

Итак, на планете складывалась транснациональная культура, запускались оригинальные механизмы развития, формировалась виртуальная – финансовая, цифровая – экономика (скорее, хрематистика в прежнем толковании), все более отделявшаяся от исторически известной механики буржуазного («капиталистического») уклада. Но, пожалуй, главное: к усложнившейся и модифицированной системе власти получает доступ генерация «людей воздуха», тесно связанная с постиндустриальным (нематериальным, *эфирным*) производством.

Когда процесс еще только разворачивался, – а он отчетливо обозначил себя в начале 70-х годов, преимущественно в Соединенных Штатах, – то поражал пестрый, эклектичный характер идущей к власти плеяды. С одной стороны, в рядах «опасного класса» были представители элиты в более или менее традиционном понимании. Среди них – люди, управляющие финансами и юриспруденцией, средствами информации и коммуникации, разнообразными интеллектуальными практиками, люди, держащие руку на пульте систем социального контроля, воспитания, образования. В общем, лица, определявшие господствующую стилистику бытия и активно участвовавшие в передаче властных импульсов в системе «элитный клуб – *think tank* – административный аппарат». С другой стороны, претендовавшая на власть поросль имела совершенно нехарактерный для прежней элиты привкус контркультурных движений (ср. парадоксальную

на первый взгляд генетическую связь *яппи* с *хиппи*). И выраженное пристрастие к свободной – лишенной прежних ограничений – интеллектуальной медиации. А также – к интенсивной, провокативной акции, амбициозному проектированию, масштабному риску.

Иначе говоря, на планете происходила элитная революция, разворачивалась интенсивная борьба за будущее, борьба за *темп*: нарождающееся сословие вошло в исторический клинч с сословием традиционным, буржуазным, со «старым правящим классом», подвергнув интенсивной критике прежнюю модель организации общества. И поскольку трансграничная страта эфирократов тесно связана именно с нематериальным производством, их влияние росло по мере смещения центра активности в предметные поля постиндустриального мира. Интенсивно развивались технологии косвенного управления, гибкое манипулирование, финансовая эквилибристика, информационно-коммуникационная, исследовательская и образовательная деятельность (прочитанные во многом в обновленном формате), и, наконец, бескрайний океан индустрии развлечений и массовой культуры.

Продление сроков экономистичной фазы цивилизации оказалось возможным вследствие оппортунизма – исторического компромисса – части «людей воздуха», изменивших идеалам самоактуализации ради соучастия в грандиозном проекте спасения Старого мира путем его специфической конверсии (традиционные буржуа все более начинали походить при этом на реликты феодального мира, сохраненные до наших дней во плоти буржуазного мира).

При этом происходило смещение целей и подмена ценностей: стремление к трансценденции рыночного быта, к миру *духовному* использовалась в качестве стимула для колонизации рынком новой области – мира информационного, сценарного, *виртуального*. Человек обретал иллюзорную компенсацию за субъективно неочевидный отказ от «прав первородства». Иначе говоря, дефицит просторности бытия и тот факт, что рынок являлся не всеобъемлющим, были использованы в качестве рычага именно для расширения границ *Pax Oeconomica* за счет эксплуатации тяги к иному, освоения многослойных «воздушных пространств» цифрового космоса, а также последовательной трансформации гражданского общества в мир массового потребления. Что в свою очередь вызвало к жизни токи размежевания и ростки противостояния уже в самой среде Нового мира.

Так сложился хотя и конъюнктурный, но, тем не менее, стратегически ориентированный союз динамичного «нового класса» с мобильной частью мутантов третьего сословия (*финансовых дьяволов*), вследствие чего удалось частично залатать дыры старых мехов, наполнив их иным содержанием и образовав вчерне химеру Нового мира. Результатом данного симбиоза – исторических наследников Термидора (или, точнее, Реставрации) и «Славной революции» – стало создание в конце столетия начатков обновленной социальной среды: планетарной информационно-коммуникационной инфраструктуры, концепции и реальности дигитальной экономики, прорыв в просторность виртуального космоса и первые чертежи эпидемиологически-ориентированных (репликационных) стратегий трансформации социокосмоса.

Мир же капитализма – если уж продолжать пользоваться данным ярлыком – совершил при этом попытку перейти в третью – после торгово-финансовой и индустри-

альной – фазу своего существования, выстраивая устойчивый, хотя и не равновесный «глобальный каталог» геоэкономического универсума. Притязая на исторический реванш финансово-торгового уклада, но уже в качестве глобальной матрицы, *мироправителя*, а не проектного набора уязвимых со стороны политической власти схем доверенного клиента-откупщика – к тому же в свое время отодвинутого в сторону конъюнктурным союзом с промышленной инноватикой.

Доминирующий вектор перемен – проект *глобализации* оказался при этом связан преимущественно с проектом геоэкономической *оптимизации* – универсальной *безопасности* – активной *мобилизации*, включая превентивные действия. Формула же другого вектора, напротив, сопряжена с готовностью к серьезным переменам, с идеей самореализации человека в масштабе планеты, с процессом *индивидуации* и *преадаптации*, с сетевой культурой и «ледниковым временем», выступающих в качестве среды для эпидемиообразных стратегий развития трансформирующих популяций (глобально-го инфицирования человеческого сообщества), с созданием предпосылок для морфологического резонанса всей новой социокультурной и антропологической ситуации.

Эклектичный коктейль Сороса, Голливуда и Гейтса, начинает меж тем осознаваться как могучая взрывчатая субстанция, заполняющая рельеф повседневности, заявляя о своих правах на будущее, *творя его*. Сегодня, пожалуй, психологически затруднительно, если вообще возможно, полноценно восстановить в памяти шкалу оценок/стереотипов, господствовавших в обществе до пересечения этого Рубикона, хотя отделяют нас от того времени считанные десятилетия.

РОССИЯ В МЕДВЕЖЬЕЙ ШКУРЕ

По настоящему эффективным тоталитарным государством станет то, в котором влиятельные политические лидеры, встав во главе армии управленцев, окажутся вознесенными над людьми, поголовно не стремящимися к свободе, поскольку их вполне устраивает роль прислужников
Олдос Хаксли

В России положение элиты, в той или иной форме связанной с постиндустриальным производством, также претерпело существенные изменения. В последней трети XX века ее представители, казалось, ощутили перспективность своего стратегического горизонта, однако, в силу ряда обстоятельств, постиндустриальная *high frontier*, радужные миражи, навеянные идеей глобальной конвергенции элит, так и остались нереализованной «российской мечтой». Если мы вспомним положение вещей, сложившееся в годы перестройки, то – возможно, с некоторым удивлением – констатируем: на арену в те годы попыталась выйти генерация людей, хотя и эклектичная по составу и предмету деятельности, но которую, в целом, можно охарактеризовать именно как российский постиндустриальный класс.

Этот «новый класс» – не тот, джиласовский, номенклатурный «новый класс», утративший революционную состоятельность, азарт битвы за будущее и, в конце кон-

цов, саму энергию исторического бытия – но конгломерат разноликих людей, связанных с постиндустриальным бытом и производством, способный производить и контролировать соответствующие реалии и технологии. Имея к началу перестройки неплохие стартовые позиции, динамичная, но крайне разрозненная страта достаточно быстро наметила путь к рычагам власти, однако, взять ее в свои руки так и не сумела, потерпев, в целом, как класс стратегическое поражение. К началу XXI века Россия заняла социальную нишу отнюдь не среди членов высокотехнологичного сообщества, а среди стран-производителей природного сырья и полуфабрикатов. Основу национального богатства и ВВП страны составляют сейчас не реалии постиндустриального мира (как бы его ни толковать), а природная рента и ее многочисленные модификации.

Инволюции российского общества можно найти много объяснений. В XX веке для страны распалась связь времен, общество утратило навыки саморазвития, гражданин был стерилизован, а бунтарь – криминализирован. Русское Возрождение, возможность которого столь ощущалась в начале прошлого столетия, питая и страстную пассионарность культуры, и опережающий разум порыв к будущему, не состоялось. На протяжении века в стране происходило последовательное уничтожение начатков самоорганизации и энергичных личностей, унижение гуманитарной культуры, причем не только «выпалывание сорняков», но и «подстригание газона», включая самооскопление, самоцензуру, авторедукцию. В итоге образовался мир, лишенный искр гениальности, смелости, дерзновения; мир, плохо совместимый с глобальной революционной ситуацией – эту смену исторической колеи в СССР просто проморгали, продолжая двигаться путем умножения прежних сущностей и устаревавших на глазах средств безопасности. Когда же исчезла разделявшая Восток и Запад стена, то в России-РФ наиболее пассионарной частью общества оказалась асоциальная и прямо криминальная субкультура, которая, разрастаясь, словно на дрожжах, активно влияла на другие слои общества. Интеллектуалы, причем в массовом порядке, начали трансформироваться в *консольеры*.

Российская стилистика 90-х – причудливая амальгама «бархатных революций» европейских соседей с ветвящейся образностью «Туркмен-баши». В сущности, генезис Новой России имел два энергичных источника: энтузиазм «людей августа» и вакханалию «команды мародеров» – как если бы в Кремле воцарился двор Пугачева, вобравший в себя многочисленных Швабриных. Историческая вина Ельцина – казнь энтузиазма эпохи. Он погасил порыв освобождения и миражи восхождения, а это была уникальная возможность: культурный горизонт нации прочерчивается именно под молниями революций. Но только ли Ельцин тому виной? Скорее его вознесение во власть и слишком долгое в ней пребывание было знаком беды: слабых и поврежденных в России оказалось много больше, чем граждан и творцов.

В итоге мы получили собственный элитный коктейль – *поколение «П»* – из представителей спецслужб (действовавших в прежнем обществе по иным правилам игры, готовясь проводить операции инициативно и вне рамок закона), их многочисленной, разветвленной агентуры (для которой также была характерна особая свобода действия) и криминализированной/асоциальной субкультуры. Национальная элита, однако, не может быть криминальной: кто управляет развитием, мыслит метафизически, – или он управляет чем-то иным. Криминализируясь, элита перестает быть собой, она утра-

чивает контакт с просторностью мысли и способность воспринимать ритмы истории. Коррупция элиты – это не взяточничество, коррупция – недопустимая экспансия телесности рыночных операций, внутреннее умаление личности, присвоение ресурсов ответственности и деконструкция социального текста. Уплощенная личность блюдет частные интересы: приватизируя метафизику и прочитывая политику как интригу, она цементирует потолок амбиций и формирует собственные «группы по интересам»; а в результате оказывается уязвимой для игроков с «длинной волей», иным жизненным горизонтом и целеполаганием (стратегией). К тому же семена перемен прорастают не только в энергиях «опасного класса», но также в нарастающей немощи правителей, родовым признаком чего является, в частности, организационно-административная чехарда.

В последнее десятилетие века в России произошла химеричная трансформация общества, позволившая за счет некоторой архаизации социальных связей, а также коррупции части «нового класса», создать из национального организма подобие трофейной экономики, утвердив клановые (неофеодальные) отношения в обществе. Сложившееся положение, отчасти, напоминает опять-таки феномен африканской деколонизации с более-менее плавным переходом к постколониальной модернизации – в основном, в столице и других мегаполисах – но уже в арьергарде социального развития мира. На последних выборах в Думу процесс постперестроечной деполитизации достиг своеобразного апогея: успех проправительственной квазипартии приобрел даже скандальный оттенок – главный политический ареопаг превратился в своего рода расширенный юридический отдел правительства/администрации. Так, времена конкуренции великих религий и великих идеологий сменились безвременьем господства великих и малых, белых и черных технологий.

Разрушение партийной культуры выдвинуло на повестку дня не просто вопрос о замене лидеров примелькавшихся спортивных команд и даже не о перераспределении «делянок» политического поля. Речь, скорее, идет о приближении национального момента истины, по отношению к которому новейшая история России лишь «неоконченная пьеса», интерлюдия либо ее скоротечного распада, или иных форм постсовременного бытия.

В настоящее время на партийно-политической сцене актуальны две совершенно разные оппозиции: (а) противостояние осколков идеолого-партийной иерархии Модернити синкретичной политической культуре Постмодерна; (б) конфликт, разворачивающийся в недрах самой эклектичной культуры Нового мира, где парадоксальным образом совмещается безграничный, бескрайний прагматизм и целеустремленный, амбициозный идеализм. Семантическая реконструкция России предполагает, между тем, выдвигание содержательного контр тезиса политическому затишью, которое во многом определено сменой партитуры и корпоративным интересом власть имущих – коллективной заинтересованностью в полноценной легитимации обретенного статуса: социальной позиции, прав собственности, финансовых счетов. Но как только проблема будет решена – усилиями ли внутри страны либо сращиванием транснациональной ткани за ее пределами – держатели власти и ресурсов быстро ощутят острое неудобство от несовпадения стратегических целей (что уже отчасти и происходит).

Увертюра Новой России: произнесенный текст загадочного Андропова о технократической «властной вертикали» и поражение политического хиппи постиндуст-

риального мира Горбачева (конфликт архетипов «вечного Буша» с «вечным Гором»), по-своему повторяясь в перипетиях нового века, подводят страну ко второму раунду исторического состязания. Та или иная организованность динамичного класса, призванная к жизни переменами в положении вещей, может рано или поздно выступить на этом ринге уже не в качестве тактического спарринг-партнера – классического российского «мальчика для битья», но полноценным конкурентом действующему президенту и олицетворяемой им сегодня политической культуре. В меняющейся геометрии социального строительства фланг *нового патриотизма* сливается с флангом *амбициозного неокорпоративного действия* в историческом усилии вырваться за пределы гравитационного поля парapolитической интриги на трансгеографическую просторность постиндустриального и постсовременного космоса.

II. ПРАВО НА РОССИЮ, ИЛИ ПИР ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Time Jesum transeuntem et non revertentem

После раздела «материально-технической базы коммунизма» наступает время перераспределения нематериальных ресурсов страны, ее постиндустриальной реконструкции, определения долгосрочной ориентации, картографирования и приватизации социокультурных полей.

Формат постиндустриального передела предполагает внимание, скорее, к властным, интеллектуальным и управленческим ресурсам, нежели просто к материальным богатствам «Корпорации Россия». Постепенно осознается интегральная связь культурных, политэкономических, технологических аспектов строительства новой государственности.

Вслед за планами постмодернизационной реконструкции возникают представления о целенаправленных действиях в сфере аксиологии и семантики, поиска новой формулы национальной государственности, а не только о проблемах переналадки ее практической механики.

Иначе говоря, пробуждается интерес к генетической модификации социокультурного организма, и речь с какого-то момента может пойти о системном переустройстве всей культурной мегамашины. Тем более что государство в своей привычной ипостаси не справляется с новыми социальными организованностями, будучи не в состоянии ни опровергнуть, ни интегрировать их, – это иная система, ростки другого естества.

Еще один аспект рождающей честолобивые проекты (и прожекты) проблемы – матрица современного партстроительства, отмеченного, несмотря на традиционный декорум, чертами постмодернистского спектакля и прагматичного технологизма. Происходящая трансформация партийной топографии, смена лидеров и референтных групп

определяет задачу опознания изменившегося рельефа, с учетом образовавшихся ниш и вакантных ролей на скользкой сцене российского театра действий.

Кроме того, возникает интригующая вероятность появления на постиндустриальной строительной площадке нового поколения влиятельных игроков, включая тот или иной вариант российской амбициозной корпорации и политической организованности «нового класса».

КАК СТРОЯТ МИР?

Вот дом, который построил Джек...

Магистры политической кухни знают: социальная картография имеет три слоя. Первый – познанное и подробно формализованное в рецептурных справочниках эпохи описание ландшафта, которое, однако, повинаясь естественному порядку вещей, принадлежит, скорее, прошлому, постепенно утрачивая связь с динамичным рельефом (*пост*)современности.

Второй слой грамотно испеченного политологического пирога – черновики и корреспонденции пульсирующей экзистенции. Они неплохой инструментарий для рефлексии на тему происходящих событий и даже своеобразное «секретное оружие» при планировании оперативно-тактических комбинаций, обеспечивая порою успех стратегическим импульсам. Между тем при осмыслении целостной социоконструкции прозрения и маргиналии выглядят противоречиво, «клочковато», с трудом поддаваясь рациональной оценке. Что в свою очередь заставляет возвращаться к прописанной партитуре, внося отдельные исправления, не меняющие сути исполняемой пьесы. Тем не менее, нередко это всё, что имеется в наличии – дискретное описание актуального поля, отрывочные сведения о траекториях неопознанных социальных объектов, бороздящих пространства практики: так и ведется текущее проектирование.

Но есть у профессионального продукта третий слой. Его рецепт – в поваренных книгах реальности, которая не существует, однако имеет высокие шансы утвердиться в перманентно ведущейся битве за будущее. Умелая адаптация проекта именно к «третьей реальности» определяет его стратегическую успешность либо провал, влекущий уход персонажа с исторических подмостков.

Из сказанного выше следуют четыре задачи. Во-первых – определение нерва эпохи, того, что именуется *Zeitgeist*. Не варвары сокрушили Римскую империю, а «сетевая организация» людей, создавших в черновиках альтернативную цивилизацию, ставшую со временем глобальной. Так что значение увертюры – верное представление о сюжете будущей исторической драмы. Другое условие успеха – умело развернутая номенклатура проекта, вписанная в определенный контекст. Стратегия основывается на языке и культуре, задающих параметры ситуации. Если судьбоносные акции выглядят нелепо – это означает дефект грамотности, утрату навыков чтения актуальных текстов, дефицит способности опознавать логику перемен. Речь при этом идёт о цивилизацион-

ных (мировоззренческих) основаниях – идеальных («о времени») и национальных («о себе»). И должна также идти о трансграничных («эфирократических») претензиях.

Глобализация, преодолевая национальную замкнутость, стимулирует появление транснациональных проектов. Но что такое сегодня в политической геометрии «исламский» или, скажем, «христианский» проект? Вне определенной социальной версии это слишком аморфные определения. Политическая субъектность конфессиональных проектов вообще сомнительна. А вот американский квазиимперский или китайский (региональный) проект, равно как и Большая Европа (выстраиваемая на основе Шенгена, ближайшей Азии, Южной и Восточной Европы) – это определеннее и прагматичнее.

Однако в современном мире присутствуют не только такие формулы социальных каскадов, как национальное государство или страна-регион, но также их модификации: политические («международный регулирующий орган», «распавшиеся государства») и геоэкономические («системы финансового/ресурсного контроля», «вашингтонский консенсус»). А, кроме того, складываются новые образования – публичные и частные связности трансграничных групп, соединяющие осколки ранее единых корпораций (планет-государств): блуждающие в социокосмосе астероидные кланы старых и новых элит.

Все это – ландшафт «современного Родоса»: площадка конкурентного проектирования, в том числе в категориях большого (*транс*)национального проекта.

Третья и четвертая позиции – правильное прочтение центрального субъекта стратегии и грамотное, хотя не обязательно детальное, описание его «крутого маршрута».

Активное представление будущего реализуется сегодня в динамичной среде; критические для успеха условия – мониторинг исторической ситуации, перманентное масштабирование, умелое управление событиями и ресурсами. Подобные действия могут быть предприняты в интересах различных слоев, отсюда ощутимая разногласия в определении субъекта стратегии, целей и путей воплощения.

SINE NOBILITATE

Rex должен рассматриваться не столько как самодержец,
сколько как человек, проводящий линии границ
или прокладывающий путь...
Эмиль Бенвенист

Тема национального планирования очевидным образом связана с понятием стратегического субъекта. Однако в российской конструкции подобный персонаж практически выведен за рамки политического процесса. Ведь даже с формальной точки зрения, президент, избираемый на четыре года или имеющий ограничение в виде двойного срока, перестаёт быть полноценным субъектом долгосрочного целеполагания. Его горизонт измеряется несколькими годами и во многом определяется парapolитической интри-

гой. Другой кандидат на эту роль – национальная элита – организована в России как бизнес-сообщество. Но и данный субъект не сложился в полноценную конфигурацию: олигархат не породил «национальную корпорацию», выражающую совокупные интересы российского общества и государства. Кроме того, в стране нет социальной связанности вне текущего конструирования, нет и корпоративного института, занятого осмыслением задач общенационального и транснационального формата.

Долгосрочное, масштабное проектирование сопряжено не столько со сферой экономики, сколько синергичным образом объединяет векторы социального, политического, культурного действия (и отчасти метафизического, историософского толка). Энергии эти отражают степень сложности «организма национальной субъектности», мера амбициозности и социальная конкурентоспособность которого определяется оригинальностью избранной версии миростроительства, глубиной прочтения кодов бытия. Но тут возникает вопрос: почему же в России за годы после снятия прежней идеологической оболочки, определявшей советские ориентации, так и не сложилась внятная стратегическая композиция, не было сформулировано собственное *credo* и образ будущего?

Отсутствие трансцендентальных ориентаций, историософской позиции и даже простого консенсуса российских элит, вкупе с их более чем специфическим характером, равно как и явный дефицит реалий гражданского общества – все это повышает градус разговора о роли транснационального контекста (*пост*)современного мира, о мере его соучастия в постсоветской реконструкции, о влиянии на процессы национального строительства. А также о горизонтах новой исторической общности – активного игрока на поле трансграничных диаспор, наряду с прежними конфессиональными и этническими глобальными племенами... Новые организованности сейчас достаточно опосредованно связаны с такими социосистемами, как *национальные государства*, разговор на языке *амбициозных корпораций* все чаще оказывается более релевантным подвижной реальности. Дискуссии же, ведущиеся на основе привычной политематичности, напротив, начинают рождать прогностические химеры, смысл которых нередко противоречив и слабо увязан с реальностью, порой не столько объясняя, сколько затемняя смысл событий, приобретающих привкус иррациональности и анонимности.

За последние годы североатлантический мир, а с ним и все человечество пережили масштабный социокультурный переворот. На планете совершается перемена декораций, в ходе которой, в частности, реализуется геоэкономическое переустройство мира – становление системы контроля над ресурсными потоками, распределением мирового дохода, реконфигурация системы мировых связей и их прежней номенклатуры. Параллельно штрих за штрихом прочерчивается береговая линия фрактальных пространств *контролирующего хаоса*, где смягченный суверенитет национальных связанностей замещается космополитичным освоением предметных полей «воздушной Лапутании», на которых разворачивается своя историческая пьеса и выстраивается собственная футуристическая композиция парастроительного строительства.

Для Новой России, конечно же, важно достижение национального консенсуса относительно методов действия и целей в стремительно меняющемся мире. Однако какой консенсус может сложиться у люмпен-элиты, для которой планирование возможно на уровне интриги с горизонтом в один-два, максимум четыре года – да и это, откро-

венно говоря, «высший пилотаж». Ведь её истинная задача – *легитимация завоеванных позиций*, а не *национальное планирование*. За последний век изменились многие основания социальной жизни, и так ли уж верно, что смысл (*пост*)современной цивилизации удерживается в мире – продлевая его право на существование – поскольку покоится не на трех китах, а на крови героев и подвижничестве праведников? И что государственные мужи обозревают недоступные смертным горизонты, «*стоя на плечах великанов*»? Во всяком случае, корпус пророчеств об исполнении судеб эона, когда сердца соединяются в трансценденции и самоотвержении, относится, по-видимому, к иному сообществу. История, по крайней мере, на значительной части планеты может завершиться не «*раскатом грома*», а «*всхлипом*».

МАТРИЦА: РЕСТАВРАЦИЯ

Молиться – клирика удел,
У рыцаря иных нет дел, как чтить других и защищать.
Крестьянам – надлежит пахать.
Этьен де Фужера

При обсуждении итогов выборов в парламент, равно как и уроков президентской кампании, реальный интерес вызывает, скорее, социокультурная сторона событий, нежели партийно-политическая, политологическая или политтехнологическая. Ключевая проблемная зона – дистрофия культуры, связанной с партгосстроительством в категориях представительной демократии, публичной политики, многопартийности и т.п.

Дело даже не в тенденциях авторитаризма. Суть именно в смене политической партитуры и соответствующего языка анализа. Или, если угодно, господствующего стиля мышления. Тут далеко не все просто. Политическая культура, которая формировалась в мире на протяжении длительного периода, а в Новой России – рывками, путем прививок и в сверхсжатые сроки, в настоящее время переживает системный кризис. И, возможно, прекращает существование. Россия выглядит на этом фоне, на первый взгляд, чуть ли не пионером, имея к тому же опыт номенклатурно-социалистической футуристики. Хотя предшественники, конечно, имеются – прежде всего, среди стран Третьего мира, часть которых в постколониальный период успешно перемолола оставленное наследие – политическую культуру Модернити. Однако Россия все же из другой социокультурной колоды, потому её опыт и более актуален, и более интересен, и более ценен.

Можно сравнивать различные типы социальной ментальности, регистрируя стоянки кочевья на путях переменчивого времени. Занимаясь подобной темпоральной археологией, в духе исторической антропологии (в трактовке, характерной для школы «Анналов»), мы видим, что когда-то политконструирование велось посредством религиозной семантики, используя соответствующие образы, категории, лексику. Затем наступил период, когда политическая деятельность выражалась в форме идеологических концептов и лозунгов. Это была пора «великих идеологий», оставившая в памяти чело-

вещества богатое наследство. Сейчас в социокосмосе утверждается новая культура, у которой нет точного, общепринятого названия. Ее корни в трансформации гражданского общества (и присущих ему институций) в общество массовое, потребительское, управляемое и контролируемое элитными кланами. В результате в ареалах и миражах (*пост*)современности проявляется формула действия, приближенная, скорее, к практике корпоративного управления, нежели к публичной политике. Политическая деятельность определяется при этом как «проект», а партийная марка/лицо лидера как *бренд*. И, не ощущая этических неудобств, воплощается наиболее подходящими к случаю средствами.

Одно из проявлений процесса в России – высвобождение партийных ниш и освоение этого пространства организационной мегамашиной. Причем переживаемая страной переходная ситуация является катализатором, ускоряющим метаморфозы политической алхимии. Действительно, прежние («классические») конструкции выглядят в изменившихся условиях просто игрушечными. А ситуация в целом поразительно напоминает финальные страницы «Алисы в стране чудес» – так и слышатся отзвуки знаменитой фразы: «Все вы – колода карт!».

На сегодняшний день в России сформирована матрица квазипартийного процесса, воспроизводимая, в сущности, «на пальцах». Если мысленно нарисовать шесть квадратов, расположив их в два «этажа», т.е. по три в ряд, и надписать ярлыки: «КПРФ», «Единая Россия», «СПС», а в нижнем ряду – «Родина», «ЛДПР», «Яблоко», то получим партийно-политическую матрицу, сконструированную по итогам выборов-2003 в Государственную Думу. Тот факт, что СПС и «Яблоко» оказались за внешней стороной ограды не отменяет данную констатацию, скорее, это проблема рамки и фокуса. «Гексаматрица» может быть прочитана с различной степенью глубины. Ее верхний регистр: «К» – «Е» – «С», т.е. «левые – центр – правые», соотносим с аналогами в нижнем: патриотической «Р» – политически амбивалентной «Л» – либеральным, но тяготеющим к идеалам социал-демократии «Я». В целом же этот уровень анализа малоинформативен. Проведем другую операцию. Соединив правый и левый столбцы в единый четырехклеточный квадрат и противопоставив его центральному (бинарному) столбцу, получаем две субконструкции, отражающие коллизию, о которой шла речь выше: сопряжение рудиментов культуры Нового времени (квадрат) с продуктом политической технологии конкордата Нового мира (центральный столбец), объединенные временем и обстоятельствами в единый партийно-политический текст.

Займемся теперь отдельно тетраметрией (квадратом). Она описывает российский политический ландшафт в категориях прежней культуры. В первом ее столбце обитает связка-оппозиция «КПРФ-Родина», во втором: «СПС-Яблоко». Ни один из столбцов, однако, нельзя однозначно определить как правый или левый, если исходить из классических критериев. Но зато в каждом имеется левая и правая составляющая: у преимущественно левой КПРФ – правая, консервативно-патриотическая «Родина», у элитарного СПС – левое, эгалитарное «Яблоко». Если же «единую» российскую матрицу изображать объемно – т.е. представить пространство «топологически связанным», с учетом всей палитры – то выявится еще и генетика исторических переходов, вшитых в партийно-политическую ткань. Среди них присутствуют: (а) переход от средневековой политической культуры к культуре Нового времени, связанный с оппозицией аристо-

кратии-буржуазии, а также (б) с противостоянием работодателей и лиц наемного труда. Однако актуальным сейчас является третье измерение конструкции: (в) асимметричное – по результатам выборов – противопоставление суммы сегментов идеолого-политической культуры культуре новой, «политтехнологической», очищенной от идеологии и представленной (в ходе «эксперимента-2003») «ЕР» и «ЛДПР» – квазипартиями, лишенными внятной позиции, исполняющими роль техническую, технологическую, но никак не идеолого-политическую.

Стоит отметить и конъюнктурное превосходство матричных технологий над инструментальными – оно в значительной экономии сил и средств. Иначе говоря, в партийное строительство могут вкладываться серьезные ресурсы, но действия «вопреки матрице» заметно понижают эффективность предпринимаемых усилий. И, наоборот, – к примеру, политтехнологическое строительство, связанное с созданием и продвижением «Родины», было обречено на определенный успех, каким бы небрежным образом ни велось. Успех в значительной мере был предопределен выбором вакантной ниши, суть которой прочитывалась в ходе грамотного декодирования сознания электората, т.е. результат проистекал из потребности «матрицы» заполнить структурный вакуум. Иначе говоря, он был сопряжен с восстановлением целостности символического подтекста политического процесса, который в свое время был серьезно нарушен. Вспомним выборы 1993 года: что бы произошло, если бы бабурицкий РОС не оказался выброшен из избирательного процесса? Возможно, мы получили бы «Родину» (пусть в иной модификации) гораздо раньше. В то время на площадке оппозиции некоммунистического толка оказался лишь один игрок – ЛДПР, и ситуация стала трамплином, который вывел Жириновского на политическую орбиту. Но, кстати говоря, когда в ходе выборов-2003 Жириновский несколько раз менял тональность своих шоу – выстраивая речь более серьезно, а тезисы делая менее карикатурными, однако же, не менее яркими и резкими, – степень его поддержки населением быстро и заметно возрастала.

У «Родины» есть определенный шанс консолидировать некоммунистическую, но социально и национально ориентированную часть электората, недовольную разделом «советского пирога», а также статусом страны в мире, на основе «нового патриотизма». Данный фактор может проявиться после первого же серьезного провала Путина. А у части «правого» партийного клана сохраняется возможность услышать провозвестников «нового класса», сделав ставку на представителей постиндустриальной культуры и соответствующие ценности. Но политический горизонт ситуации, по-видимому, заметно шире. Нынешняя фаза партстроительства – связанная с эксплуатацией эклектичного потенциала «новой левой», с идеями социальной самоорганизации в контексте постиндустриального мира, с реформированием обновленного правого крыла – будучи прочитана в новой культурной рамке, означает, по сути, становление в России некой целостной социальной связанности, альтернативной прежним партийно-политическим химерам.

Так что ключевой вопрос звучит, пожалуй, следующим образом: что именно станет альтернативой современной политической архитектуре России, наполненной эманациями подковерных властных комбинаций; и кем, в конце концов, окажется блуждающий по коридорам кафкианского замка, предаваясь до поры сонным мечтаниям, грядущий российский Нео?

«ГОРИТ ЛИ ПАРИЖ?»

Все наши планы г....! Главное – подбор кадров.

В.И. Ленин

Политическая перспектива есть порождение социальной инициативы. В данном случае – «нового класса», связанного с постиндустриальными формами производства и бытия. Но будущее формируется также в ходе массового «предательства клерков», избегающих разрушения прежнего порядка вещей. Воля же российского четвертого сословия явно не сфокусирована. Хотя во времена Горбачева постиндустриальная культура и получила ощутимый импульс, советское наследство досталось не ее представителям. Сегодня эклектичный слой начинает предъявлять претензии на постиндустриальный передел: исторический вопрос в том, будет ли таковой реализован в рамках прежней управленческо-административной культуры, либо в русле энергий, оплодотворяющих предметные поля Нового мира?

Тем временем мы наблюдаем спонтанный рост самосознания «нового класса», связанный, с одной стороны, с открывающимися возможностями, с претензиями на свой кусок пирога в однажды (но не единожды) поделенном «советском наследстве», но с другой – с его обеспокоенностью за свою будущность и конкурентоспособность в надломленном и архаизирующемся обществе. Наконец, с подспудным осознанием исторической миссии «людей воздуха», с амбициями сыграть значимую роль в очередном акте национальной и мировой истории. Несмотря на все ляпы и казусы именно *Ordo Quartus* в своих различных ипостасях формирует (*пост*)современную политическую культуру, правда в условиях исторической альтернативы: обустроить ли мир для его прежних хозяев либо претендовать так или иначе на роль сюзерена? Отсюда, кстати, проистекает и желание властей – своеобразного конкурента в рамках постиндустриального передела России по тому или иному фундаментальному образцу – подобные интенции «окоротить».

Прежняя же партийно-политическая культура, оказавшись на свалке истории, деградирует и распадается. Не случайно президентские выборы носили вполне гротескный и местами карнавальным характер, в числе других элоквенций множа такие «слоганы», как «Белоснежка и шесть гномов», «Волк и шестеро козлят», «Великолепная Шестерка» и т.п. Выплески суицидальных энергий «прежних организованностей» ощущались также в ходе думской кампании. К примеру, в предвыборном клипе СПС – того самого, где предполагаемая и предлагаемая Новой России «птица-тройка» летит на роскошном ковре-самолёте.... Ролик СПС вообще заслуживает отдельного разговора, став шедевром антирекламы, выставив напоказ потаенные стороны партийного под-сознания. При его просмотре у зрителя естественным образом возникал *вопрос*: «Что такое СПС?». И приходил *ответ*. Это: (а) конструкция, оторванная от земли (электората) и устремленная невесть куда; (б) сопряженный с риском, ненадежный объект, который нередко приводит к гибели доверившихся ему людей («бьется»); (в) кандидаты, замкнутые в своей узкой, но комфортной «VIP-тусовке», улетающие «в иные края»

(«Канары», «эмиграция», «заоблачная Барвиха»?) и т.д. В общем, куда ни кинь – везде семантическая диверсия.

Но все это – перевернутая страница: *«мертвые мертвы, и лучшие всего оставить их в покое»*, как сказал когда-то Пиноккио...

Логика политического конструирования, приобретая парадоксальный, порой фантасмагорический оттенок, лишний раз свидетельствует: меняется не просто палитра, но политическая культура. Оппозиция возникает в ином контексте, ее контуры проступают, скорее, в противоречиях «управленческих олигархов» с «олигархами буржуазными», в межклановых разборках, включая зону действия новых технократов. Можно, правда, описать ситуацию и несколько иначе: реальный политический процесс в России протекал и протекает в стороне от партийного. Сейчас, однако, это – тривиальность, это стало очевидным. За подобными, в общем-то, частными примерами, важнее разглядеть другое: в текущей партийной/электоральной практике сопричастна реальность *символического* свойства; не видеть ее – значит совершать заведомо бесперспективные, хотя и затратные действия. При правильном же прочтении трудноуловимых кодов, происходят удивительные вещи, а на исхоженных дорожках появляются причудливые следы неведомых ранее игроков. *«Я чувствую себя гонимым к цели, – признался Наполеон в начале Русской кампании. – Как только я приду к ней, то стану ненужным, атома будет достаточно, чтобы разбить меня. Но до той поры все силы человеческие ничего не смогут сделать против моей судьбы»*.

Результат, правда, порою расходится с прописью, но это уже иной регистр анализа, связанный с факторами и силами, лежащими за пределами национальных и рациональных границ. Тот же Наполеон на вопрос, заданный в конце жизни, почему он все-таки проиграл исторический проект, ответил следующим образом: *«Потому что игнорировал мнения врагов и оппонентов»*. Впрочем, быть может, это были просто слова сильно уставшего человека...

РЕВОЛЮЦИЯ – ЭТО СЕЙЧАС

Все это так ново, необыкновенно и фантастично,
что с трудом верится в возможность успеха
Александр III

Знамение времени – в стране и мире формируется политический текст, для прочтения которого требуется усвоить новый язык. Ключевая же российская интрига состоит в том, что процессы, разворачивающиеся в иных странах, с упорством крота воспроизводятся на национальной почве. Это относится и к попытке взятия истории под уздцы «новым классом» – субъектом глобальной революции.

Однако наиболее болезненный вопрос заключается все же в другом: является ли само существование России в Новом мире рутинной данностью, либо оно превращается в проблему? Или тот же вопрос, но сформулированный в более жесткой форме: дей-

ствительно ли пришла пора размышлять о «мире без России»? Ведь возможность пресечения ее исторической судьбы предполагали в свое время даже славянофилы: «Мы вовсе не думаем, что судьбы мира заканчиваются Россией...» (И.С. Аксаков), «...если мы ошиблись, то и Россия погибнет скоро (исторически скоро), слившись так или иначе со всеми другими народами Запада в виде жалкой части (сегодня мы сказали бы «сырьевого придатка» – А.Н.) какой-нибудь серой, безбожной и бездушной федеральной мерзости!» (К.Н. Леонтьев). А Лев Тихомиров высказывал шокирующее предположение, что апокалиптический образ Вавилона, «Жены-Любодеец», может при известных обстоятельствах обозначать именно Россию.

Современный российский ареопаг, особенно в нынешнем составе (речь равно идет и о Думе, и о Совете Федерации) – все же не парламент. То есть не партийно-политическая площадка концептуально-нормативной рефлексии и проектирования страны, а особое (витринное, внешнее) правовое управление администрации/правительства, с вкраплениями представителей региональных властей, занятое законодательным оформлением разработанного исполнительной властью инструментария, парapolитической интригой, личными проблемами и амбициями. И при этом уверенное, что все так и поступают в современном мире... Не удивительно, что проблемой избирательных кампаний – совсем как «в те баснословные года» – становится процент явки к урнам. Политтехнологическая машина, создав управляемого Голема (а это двусмысленный организм, достаточно вспомнить аморфного, всепожирающего Глиняшку из русских сказок), в апофеозе торжества не заметила, что сокрушила тонкие механизмы. Которые, кстати, сознательно пестовались в предшествующее десятилетие: партийный кукольный театр, социокультурный декорум, бойкие СМИ – все это хозяйство успешно маскировало реальные политические, экономические процессы. Политтехнологам, как любым профессионалам, следует иметь чувство меры, иначе вместо красочных марионеток получают – путем избыточного обстругивания – лишенные внятной субъектности чурки... Сейчас цирк сгорел, клоуны разбежались, а круг ответственных за представление резко сузился.

Российские пространства до поры худо-бедно обустроивались прикладных дел мастерами, однако специфика времени – и в стране, и за ее пределами – требует способности читать и толковать менее внятный, но более значимый политический текст. Понимание трансформации смыслов должно было бы стать императивом для российской верхушки – массовый уход в оперативно-тактические комбинации никак не компенсируется умелым владением привычными инструментальными технологиями. По мере развертывания борьбы «за построение капитализма к 2010 году» – и особенно при отсутствии достойного конкурента – фантазмагория обрastaет качествами «дурной бесконечности», опрощаясь и огрубляясь. Дело даже не в том, что при распаде идеологически ориентированных структур и их последующему перемещению на свалку истории бал начинает править «конкретная» прагматика и утверждаться ресторанный идейная амбивалентность, опаснее другое: анемия, монотонность, апатия, поражающие общество. В подобных условиях власть, блокирующая политическую инициативу и самоорганизацию, объявляя себя универсальным агентом государственности, начинает походить на Геракла, правда, не в самом вдохновенном и вдохновляющем его облике: повсеместно востребованного, за все отвечающего, замотанного суетой, занятого то вечной расчисткой авгиевых конюшен ЖКХ, то укрощением очередной головы Лер-

нейской гидры в «чеченском болоте». В результате Россия рискует вновь очутиться в замкнутом лабиринте, однако, по причине уже не идеологической, но культурной изоляции. Общество между тем начинает тихо подозревать, что в очередной раз наступило на старые грабли...

Социальное строительство обретает энергию, форму, «упругость», когда власти противостоит сила, прочитывающая ситуацию иначе, когда *«иное дано»*, создавая рамку деятельной дискуссии. Причем именно характеристики этой рамки и стилистика диалога имеют определяющее значение; в конце концов, нельзя одновременно быть сторонником плюрализма и однопартийности, равно как нельзя было с одинаковой легкостью выступать за *«принцип разделения властей»* и клеймить *«двоевластие парламента и президента»*. И все же контртезис нынешней практике рождается не из тех источников, которые питали прежние конфликты и оппозиции. На очередном перекрестке российской истории: реформация самой логики политического процесса; исторический оппонент власти – это некто, стоящий при дверях с закрытым до поры ликом

И тут вспоминается одна российская байка. Шульгин в разговоре с Врангелем как-то спросил: *«Должны же мы представлять, за что воюем?»* И получил поразительный ответ: *«Да, должны. Но должен знать только тот, кто эту борьбу будет возглавлять. Он должен скрывать свою программу до тех пор, пока действительно встанет во главе России. Если же она окажется известной раньше, то подвергнется критике со всех сторон, и ее развенчают. Всякую программу можно раскритиковать в пух и прах. Она должна стать известной лишь с той минуты, когда начнет проводиться в жизнь. Она должна быть неожиданной и свежей, так я думаю...»* В новейшей русской истории подобный ход мысли превратился, пожалуй, в стереотип. И, отчасти, в мифологему. Слишком многими в различных сферах воспроизводился он на разные лады, слишком часто возникало ощущение буквального следования лидеров различного ранга и ориентаций данному завету. Однако в критический момент, когда врата фортуны отворялись, а фаустово действо, казалось, было на грани свершения, что-то ломалось в механике судьбы, декорации обрушались, и герой-избавитель терпел очередное фиаско... Но в таком случае возникает мысль: не повторяется ли на затоптанной российской сцене проверенный временем сюжет «вечного возвращения» натянувшего звериную шкуру, однако исполненного благих намерений реформатора-неудачника?

Наконец, последнее. Диапазон глобальной социокультурной революции – перерастающей в революцию политическую – необычайно широк: от сетевых трансформиров альтерглобализма, концептов постиндустриальной социализации до финансово-правовых связанностей и неокорпоративной организации мира. Противостоит же этому пространству новизны не менее многоликая неоконсервативная формула квазиимперского общественного порядка. В сущности, коллизия, о которой идет речь в российских реалиях – историческое состязание архетипов «Андропова» и «Горбачева»; но та же коллизия в другой стране – это «Буш» и «Гор» (предстающий сегодня на американской сцене в ипостаси Керри). Так о чем все-таки я веду речь? Я говорю, наверное, о будущем пришествии российского Гора. И еще – о праве России на само это будущее.

МИР ИГРЫ,

ИЛИ ЧЕТЫРЕ МОНОЛОГА О СЦЕНОГРАФИИ ПОСЛЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Мы усталое солнце потушим, свет иной во вселенной зажжем,
Молот разгневанный небо пробьет, в неведомый край нам открыты ворота...

Андрей Платонов

Особое качество постсовременного мира – безграничное расширение диапазона вероятностей: причем, момент движения постоянно и стремительно нарастает. Мир этот – космос, расположенный по другую сторону социального Big Bang'a; его просторность имеет динамичную природу, а выбор локальности есть временная и отчасти произвольная фиксация.

Это также мир игры и подиум универсального актера, где все реально, но не все достоверно, многое устойчиво, но далеко не всегда равновесно, где концепция удачной роли чревата ситуацией отождествления – уводящий в восковую тьму локальных коллапсов волновой функции.

Человек либо сродни порыву подобного распахнутого бытия, почти соприкасаясь с гранью метафизического безвременья, либо сливается с избранной формулой судьбы, рискуя при этом обрести кротость и вериги рока. Неопределенность возможностей и богатство вероятностей получают качества сценарной карт-бланш, – что в свою очередь таит опасность обращения личности в «частицу хора», еще при жизни озабоченной исполнением достойного песнопения в финале...

Внимательно надзирающее за людьми око, исчисляя шансы на пробуждение и искупление, плодит заместителей человек, выстраивая шеренги отождествлений, предлагая свои прочтения удач – выгодные условия размена шансов на фишки в глобальном казино. Но и тут центральный терминал, избираемый душой для внесудебного маршрута, становится прибежищем от уз и стражей лабиринта.

Мышление, находящееся в состоянии перманентного поиска и удержания божественного аттрактора, выискивает не причины, а обоснования мелькающим за окном картинкам. Финальное же суждение о свободе, если оно происходит, отделяет русло прежней истории от океанической географии, испепеленной жаром торжества пробуждения.

1-Й ЭПИЗОД

Вся жизнь обществ, в которых господствуют современные условия производства,
проявляется как необъятное нагромождение спектаклей.

Все, что раньше переживалось непосредственно, теперь отстраняется в представление.

Ги Дебор

Если я и участвовал в дебатах о театральных делах, то как человек со стороны, как частный представитель культурного текста эпохи, как случайный соглядатай сценической

«жизни». Тем более, что моя профессиональная деятельность связана с *практикой* (политологией), а не с *искусством*, – в частности, с такими скучными материями как политика и экономика, которые традиционно воспринимались как нечто противоположное театру, творчеству, искусству.

Тем не менее, не все столь однозначно в этом мире, как выглядит на поверхности. И театр с некоторых пор перестал быть исключительной территорией искусства. Вот один, как принято говорить, «кейс». Прошло около двадцати лет после любопытного мероприятия, проходившего в Санкт-Петербурге (тогда еще Ленинграде) в самые первые годы гласности и посвященного тогдашним театральным новациям. Темой моей, как сказали бы сейчас, презентации была проблема театрализации политики. А также специфической политизации театра, выхода технологий спектакля, его приемов и антуража за пределы подмостков в «большой социум», в том числе в электоральный процесс: уже в те годы происходило активное слияние двух субстанций – театра и жизни в некую новую целостность... И не только в России.

Сейчас, оглядываясь на прошедшие времена, поражаешься могучему воздействию, которое театрализация оказала буквально на все сферы жизни, сотворив на наших глазах своеобразный Мир Игры, где видимость приобрела не просто самостоятельные права, но начала претендовать на статус доминантной реальности. «*То, чего не показали по ящику, – это не новость*» – стало расхожей банальностью; но более того – это даже не событие, скорее, некий слух, не верифицированный обществом спектакля. И данный пример, просто первая частность, пришедшая на ум, а вовсе не самый яркий факт.

Люди входят в Новый мир, точнее, они творят иное бытие с его позитивными и негативными аспектами, меняя на ходу стилистику повседневности, влияя при этом на смысл и содержание жизни. Вот, еще один, совсем уже частный пример: «говорящие головы» обсуждают, скажем, антропологический вызов – будущее человечества и театрализацию жизни; они чувствуют – что-то меняется на планете, они могут анализировать впечатления и ощущения, внятно выражать рефлекссию. Но одновременно сами они – объекты театрализации: сидя на сцене под софитами, являются то ли участниками PR-хэппенинга, то ли тщательно подобранными актерами в мини-спектакле – *политической антрепризе*: с соответствующим гримом, прямыми и косвенными гонорарами, продюсерским целеполаганием, предложенными режиссером правилами игры.

Подобное развоплощение жизни, ее флирт с искусством, искусственностью – кто-то назовет это полифоничностью, кто-то совсем иначе – отчасти привлекает и завораживает. Процесс имеет отношение к целому ряду ситуаций – карнавализация, виртуализация, проституция есть своего рода субституты древней мистерийности, они создают обновленный, «веселый» контекст. Некогда мистерии процветали, являясь аналогом сна в деятельном круговороте жизни. Затем, с укреплением «дневного» мировосприятия – а точнее, где-то со времен эпохи Просвещения, с развитием аналитического, утопического, сценарного мышления – театрализация вселяется в простроенные для нее стены и вписывается в определенные социальные рамки, превращаясь в «артефакт». Но не в смысле исключительности, уникальности, а как рукотворное, «музейное» произведение: как искусственное нечто, как место службы – то есть как вещь.

Появился спектакль-предмет – булгаковская «коробочка», где, словно жуки на булавах, трепыхаются и двигаются актеры. В коробочку можно заглядывать, всматриваясь в чужую жизнь, – что там происходит? Завелись в картонной среде свои папы Карло и Карабасы-Барабасы. Но в какой-то момент обособленность, «камерность» театрального действия, профессиональная корпоративность, субкультурная муштра дали трещину, и возник мир, где грань между *спектаклем* – *реальностью* ощутимо сместилась. Возникли «синяя блуза», театральный коммунизм, Нюрнбергские шоу и – хэппенинг.

Токи революции ощущаются в безнаказанном шутовстве лицедейства, переливаясь через ограниченный рампой рубеж в игру с публичными фигурами, популярными идеями, актуальными лозунгами, в завуалированную иронией истину, т.е. в откровенно политизированную реальность. Но и политика далеко не последняя граница Мира Игры. Это не просто иное понимание театральности, это другое прочтение жизни; предвестие – *предместье* – постсовременных событий и конструкций: мир как жест «*все на продажу*», как свободный акт, однако, не подобный кровоточащему символу в мистереи и не стократно до мычащего автоматизма отрепетированному образу в спектакле. А как уникальное в своем проявлении событие, совершаемое здесь и сейчас, в качестве спонтанного, стохастичного, но порой также и тщательно организованного порыва, реализованного в аморфной среде повседневности, причем с учетом ее конъюнктурных особенностей. Примерно, как *flash mob* в симбиозе с открытой коммуникацией, с просторностью глобального континента СМИ, с амбициозными замыслами и даже с маркетинговым лукавством, с универсальной трансляцией собственных и чужих мыслей, образов, действий.

В сущности, мы давно обитаем в оболочке этой «второй реальности», причем редкой птице удастся бросить взгляд («*взглянуть хоть одним глазком*») на баснословные берега «реальности первой». И если я что-то преувеличил, то вроде бы все к тому идет.

Человек обретает значительные, замечательные и опасные возможности, которые получают квазисамостоятельное бытие в подобию *reality-show* или в тени социального, случается, подпольного гипертекста. Действие, облик, а порою сам образ жизни, отделяются от субъекта; личина обретает самооценку, определенную суверенность, причем автономизация может происходить даже без активного участия сознания, так сказать, «волею обстоятельств». За последнее десятилетие по экранам прошел ряд схожих *протееобразных спектаклей* (фильмов): первый, приходящий на ум из плеяды – «*Мир Трумэна*»: сказ-бытие, где жизнь и театр слились воедино. Можно вспомнить также сюжеты о путешествиях в виртуальные миры с перманентной путаницей, возникающей, когда маска (иллюзия) и личность (реальность) то совмещаются, то разделяются, то дробятся. Однако проблема – как в хорошем коктейле – в пропорциях: для перехода «на новый уровень» порою требуется смерть игрока, однако персонаж утрачивает искусство различения и, опасаясь за последствия, мешкает, не зная: будет ли очередное убийство/самоубийство карнавальным...

Технологии, механизмы, предприятия, смещающие и совмещающие сон и явь, – во многом фантазмы, *wishful thinking*, психоделические проекции; они не развернулись в «большом социуме», которому неведома потенциальная мощь культуры сонной смер-

ти. Но их сила в психологическом импринтинге, во внушенной траектории жизни, в исторической перспективе. Гипнотизирующий зритель горизонт – род навязчивой антиутопии, предчувствие беспокойной торопливости Помпей и подспудная терроризация быта. Зарождаются же подобные ананкастические миражи от инстинктивной тяги экстраполировать тенденции, предполагать больше, чем ожидать, заниматься щекочущими подсознание исчисленьями: к примеру, чьей собственностью может, в конце концов, оказаться мир.

В электронном парке развлечений Пиноккио способности отделились от владельцев и разминулись, сменив хозяев: «говорящие головы» озвучивают мысли консультантов и спичрайтеров, певцы поют чужими голосами, новостная лента превратилась в поваренную книгу. Ослиная круговерть обращена в *perpetuum mobile* коллективного действия посредством хлыста (корысти) предпринимателя, расчета (проекта) финансового оператора, произвола (фантазий) режиссера/политика. Образовалась житейско-сценарная площадка – социальное предприятие – где ожидания/вожделения/страхи оказываются более сильными факторами, нежели личное достоинство или замысел *сиять как звезды во вселенной*, расширяя сферу господства скрытой паники и территорию хорошо управляемых рисков.

Подобное положение вещей потребовало ревизии политико-информационного просцениума, выдвижения терапевтического (и уже только потому контролируемого) демпфера между событием и публикой, правда, с одной существенной оговоркой: если в какой-то момент не будет востребован форсаж ситуации. Мир автономных, каталогизированных функций – страна слепых и кривых, коль скоро списана со счетов онтологическая субъектность. Здесь неплохо обжились и обитают лишь два рода существ: плебс управляющий и плебс подчиняющийся, плебс потребляющий и плебс производящий. Мы наблюдаем, как в пропитанной эсхатологическими эманациями атмосфере «ограниченного суверенитета» оживают жуки Изиды – или клыки Фафнира – подтачивая древо реальности, из искрящейся пыли обретая сгущающуюся эфирную плоть. В то время как сама реальность постепенно утрачивает свой исключительный статус. Люди уже давно относятся к повседневности как к наблюдаемой извне видеокартинке: войны и насилие подчас восстанавливают пульс и пронзительное ощущение органической жизни, но слишком ужасными средствами. К тому же и тут существует свой высоко конкурентный, постоянно совершенствующийся *театр действий*.

В пространстве «гуманитарной интервенции» хотя пушки стреляют, а люди испытывают реальные страдания, копии документальных съемок все чаще подвергаются принудительной мутации, умножению, правке, уничтожению, а человечество начинает полемизировать с иллюзорными клонами, сотрудничать и конфликтовать со сценарными записями, политическими проекциями – и даже снами, вести диалоги посредством произнесенных дикторским (переводческим или просто иным) голосом текстов по поводу кем-то оброненных и напрочь забытых замечаний. Это не просто внутренний – пусть даже и фаустов – диалог: скорее, форма хорошо темперированного хаоса (насколько хаос может быть подвластен), полуавтоматического гомона и лунатического бытия.

Однако постиндустриальный мир имеет множество ипостасей. О сетевом обществе, можно, конечно, рассуждать как о мире гиперфункциональном, насквозь консью-

меризированном, как о пространстве, где возникают агрессивные формы маркетинга, обращающие человека в «новое животное», в универсального потребителя. Но одновременно эти же пространства и инструменты предоставляют удивительные возможности. У человека появляется собственная постиндустриальная Ойкумена, пространство свободных греко-конструкций (определений), треков-коммуникаций (дальних границ), и мы нежданно-негаданно в одночасье пересекаем бесплодные земли аристотелевой логики, приближаясь к берегу Великого Океана, к пенящемуся прибою и воспаленной кромке платежеспособного сна либо асоциального действия. Театр, данный нам в телесном ощущении, как укус или вакцина позволяет до поры различать эту невыносимую легкость бытия.

Слишком долго человек пребывал в ситуации, когда его и за него многое, если не все, решали. Существовали жесткие авторитарные структуры, обладавшие прямой и косвенной властью, механизмы явного и тайного подчинения. Они были политическими, социальными, идеологическими, задавая поведенческие, и что важнее, – мыслительные кластеры. Человек, вообще, чаще не думает, – он «мыслит», перебирая вложенные в сознание кластеры, «бренды», – подобно Каю в Ледяном дворце у Снежной королевы. Но поскольку какой-то «мозговой процесс» при этом происходит, люди не часто осознают различия между живой мыслью и игрой в ментальное лего. Однако сейчас власть подобных структур, как бы сказать, – *надколота, смещена*: и человек неза замороженный столь очевидным могуществом распоясавшихся функций, обретает персону – причем уникальную. Личность же, ощутив перевешивающую разум тягу к иному, получает порой доступ к исключительным инструментам, в том числе из секретной кладовой. И это совершенно особый «момент истины», с которым сталкивается (*пост*)современный человек.

Но все-таки, во всем этом калейдоскопе видится колоссальный парадокс: ведь на планете действует фантастическая по работоспособности и мощи мегамашина, стирающая личность 24 часа в сутки; конвейерным способом воспроизводя и прилаживая личины, она способна одним ударом переломить любителю-лицедею хребет – в этом противоречие эпохи, ее антиномийность.

2-Й ЭПИЗОД

Несомненно, наше время... предпочитает образ – вещи,
копию – оригиналу, представление – действительности,
видимость бытию.... Ибо для него *священна* только *иллюзия*,
истина же – профанна.
Людвиг Фейербах

Мир преодолевает сковывающую его линейность, и появляется проблема выбора. Одновременно – пространство для эксплуатации открывшихся возможностей: потребления и предложения исключительных услуг, реализации игр ума и воображения, проведения неординарных воздействий, испытания новых форм власти. Из-за конторских столов и клубных столешниц восстает влиятельное меньшинство – *Ordo Quartus*, «четвертое сословие», связанное с постиндустриальным бытом и ментальным производст-

вом, намереваясь действовать и попутно примериваясь, как подчинить (приобрести) себе весь мир.

На протяжении пятисот–четырёхсот–трехсот лет по мере формирования общества Нового времени – которое мы называем современной цивилизацией, миром Модернити (*Modernity*) – человечество привыкло наблюдать, как усиливалась мускулатура буржуазии. Это сословие становилось влиятельным, доминантным субъектом частного и социального действия, распространяя свою власть в глобальном масштабе. Но историческая динамика хрематификации заслонила другую реальность. Когда возникал буржуазный мир, в нем параллельно складывалось весьма эклектичное сообщество, которое уже тогда называли «четвертым сословием».

Ordo Quartus было племенем интеллектуальных клириков и алхимиков, ростовщиков и комедиантов. Особой породой людей, занимавшихся аналитическим, творческим, «постиндустриальным» мастерством. В концепции четвертого сословия проявилась сама квинтэссенция динамичного состояния мира, ломки мировоззрения человека Средневековья. Контур класса, равно как и менявшегося статуса мира, проступал в дерзких исканиях мысли, в нетрадиционных торговых схемах, в пересечении всех и всяческих норм и границ, географических и нравственных, в области теории и практики.

Четвертое сословие оказалось повитухой нового положения буржуазии. Хотя в те времена и более привычное «третье сословие» служило ярлыком для достаточно различных композиций и компаний. В политическую же деятельность, равно как и в структуры власти, вошло оно при помощи юристов и журналистов, экономистов и философов. Это вполне очевидно, когда читаешь тексты, посвященные Великой французской революции: в ключевых событиях тех лет поражает обилие «судейских» лиц, да и иных подобных персонажей – занимавшихся постиндустриальным трудом «людей-заговорщиков». Интеллектуалы инициировали, планировали, вершили события революции, вполне отождествляя себя с третьим сословием, но затем, после Термидора были оттеснены на второй план. Хотя здесь также прослеживаются интересные параллели с современностью... Так формировался новый круг классового конфликта в контексте складывавшегося уклада. И одновременно, прочерчивался чертеж уклада грядущего, со своими будущими обитателями и внутренними противоречиями.

Кстати, даже «Замок» Кафки можно прочитать соответствующим образом как неофеодальную (бюрократическую) футурологию: противостояние двух сил: управленцев-юристов – замесивших/вытеснивших прежнюю аристократию, творящих на живую нитку «по прежним образцам» свой тайный, синкретичный быт – и деревенской, «ремесленной», «производящей» стихии. Ведь население лощины – это, в сущности, гротескные образы наших люмпенов-олигархов, которые находятся в непростых отношениях с лабиринтом власти, расположенном на высоком холме. Но данное замечание – частная маргиналия, не о том речь...

Основное, что хотелось бы подчеркнуть: постиндустриальный мир (я пользуюсь данным ярлыком, поскольку иного столь же расхожего нет) – не только особое социальное пространство, но вызывает к жизни особый «опасный класс», раскалывающий скорлупу прежнего буржуазного порядка вещей. Новое динамичное сословие мно-

голико и протееобразно. Начни его исчислять, анализировать, тут же возникают разночтения и противоречия...

В процессе перестройки в России новый класс также шел к рычагам власти. Со всеми присущими ему изъянами – эклектичный, искалеченный, уже тогда коррумпированный. И, тем не менее, это был прорыв к власти людей, теснейшим образом связанных с постиндустриальной ментальностью и культурой. Вспомним Горбачева, политического авангардиста своего времени, посмотрим на этого номенклатурного знаменосца с непривычной точки зрения – как на представителя постиндустриальной культуры, взгляды в тех, кто его окружал, и увидим, что определенный резон в подобной оценке есть. Но самое главное все-таки другое – совершив путь наверх и даже получив рычаги власти, постиндустриальный российский класс удержать ее не сумел. Почему – оставим за скобкой. К власти же пришла совершенно другая порода, которая была связана с организованной асоциальной деятельностью, с оперативно-тактическим, проектным мышлением, обладавшая гибкой системой эффективных социальных связей: средняя партийно-комсомольская номенклатура, представители спецслужб, их многочисленная агентура; и криминальный мир – обширная, деятельная субкультура.

Почему пришли варвары? Была страстность, была воля к жизни, была широкая дорога. И еще потому, что многие из них также являлись пасынками постиндустриальной культуры, правда, детьми его другой, «джиласовской» ветви.

Новые люди могли действовать – и действовали – вне прежних границ. Однако их энергии вели не к модернизации России, а к очевидной, особенно, за пределами Москвы архаизации. Они утащили Россию из высокотехнологичного сообщества в какие-то другие миры, расположенные между индустриальным огородом цивилизации и свалкой человеческих отходов...

Глобальная революция влечет множество следствий. Перед разными странами и народами в различных исторических обстоятельствах вставал или в скрытой форме, или в полный рост роковой вопрос: имеют ли они право на суверенное существование в меняющемся мире. На прежнее имя? Кажется, и перед Россией-РФ возникает этот вопрос. Мы ведь помним метафизические и исторические обстоятельства, связанные с обретением и утратой благодати: падение Адама, преступление его старшего сына, утрату первородства Исавом и царственности Саулом, грех Давида и его плач по Авессалому. Да и падение самого ветхозаветного Израиля. Или определение права города (страны) на бытие по наличию в нем праведников: Содом, Гоморру, Ниневию, первый и второй Рим... Найдется ли сейчас в России определенное количество людей, которые на гипотетическом – постоянно совершающемся – Суде (скажем так, историческом) способны подтвердить права страны и оправдать ее дальнейшее существование?

Декорации на исторической сцене, между тем, стремительно перемещаются. *«Россия умирает, и с этим фактом необходимо считаться»*, – нечто подобное уже произносили чьи-то уста. Так что не я ставлю этот вопрос: тезис звучал еще в конце столетия, помните: *«Пришла пора подумать о мире без России»*? И как-то это застряло, задело, появились тексты, где было использовано данное выражение – *«Мир без России»*.

Да, мы знаем, что существовали удивительные организмы, с необычной судьбой, но и они уходили в историческое небытие. В музеях естественной истории мы видим чьи-то поражающие воображение останки. Если обратимся к текстам даже российских славянофилов и близких к ним мыслителей, то и там обнаружим неожиданные мысли по схожему поводу. Я уже приводил некоторые из цитат, где – в отличие от привычных стереотипов – эти люди не рассматривали существование России как данность, предполагая возможность пресечения ее существования либо прозябания в виде *«жалкой части какой-нибудь серой, безбожной и бездушной федеральной мерзости»* (К.Н. Леонтьев). А Лев Тихомиров вообще *жену-блудодешу* из Апокалипсиса при определенных обстоятельствах отождествлял с Россией.

В российской истории, кажется, приближается зигзаг, масштабная «загогулина», окончание затянувшийся исторической паузы, которую опрометчиво приняли за устойчивую формулу бытия. Колоссальная проблема вышла на поверхность: будет ли существовать страна с тысячелетней историей, с оригинальным содержанием, собственной исторической миссией, населенная творческим народом. Или же это будет анклав (сумма анклавов) какого-то механизма – вселенской геоэкономической машины либо иной конструкции – то есть, придаток, выполняющий предписанные функции, в том числе «исправительной колонии». Так будет или иначе – сказать не могу. Потому что это живой, совокупный выбор людей, которые обитают на данной территории. И за ее пределами.

История – метафизический процесс. Искусство – та энергия, которая сопричастна метафизике. Метафизические проблемы решаются по-разному, и один из действенных инструментов – искусство. Потому сила искусства, равно как и настоящей, живой мысли – а не вложенного в сознание кластера, – из числа могучих средств трансформации мира.

3-Й ЭПИЗОД

Должно быть разномыслию, дабы выявились искуснейшие.

Апостол Павел

Объективная оценка Постмодерна – если она вообще возможна – запутанная проблема. Непростое внутреннее содержание мира, идущего на смену современности, его исторические права редко подвергаются беспристрастному анализу. Сплошь и рядом приходится сталкиваться с текстами, где постмодернистская футуристика оценивается либо бескомпромиссно негативно, либо апологетически, так что ощущается явный дефицит неангажированной рефлексии. Это, впрочем, происходит еще и потому, что социальный Постмодерн – несложившаяся, проектируемая среда, и полноценные, устойчивые, тем более общепризнанные представления о ней также не сложились. Слишком дискурсивно это поле, к тому же усеянное особыми минами и огражденное своеобразными интеллектуальными «растяжками».

По сути, мы живем в состоянии затянувшегося перехода: пребывая еще не в постмодернистском мире, но уже и не в стенах мира Модернити. То есть, как Мэри Поппинс, ощутив дуновение «восточного ветра», переходим из одного ожидания в другое,

хотя диапазон вероятных состояний у России, пожалуй, даже шире обозначенной выше дилеммы. Да и суть сводится не только к тому, что трансформируются такие категории, как политика, экономика, культура: если видеть корень проблемы, то мутации подвергаются главным образом и в первую очередь наши мысли и чувства. А затем, соответственно, меняется и практика, и все, что с нею связано. Осмыслить новизну как целостное, к тому же определенным образом структурированное пространство, конечно, достаточно сложная задача уже сама по себе.

Что бы все же хотелось отметить? Речь идет не только о саморазвитии особого социокультурного текста, признающего равноправие любых позиций (хотя при более чем подозрительном и даже тоталитарно ориентированном отношении к провозглашению единой истины). Интереснее другое: последствия снятия авторитаризма, как правило, воспринимаются лишь как расчленение, при котором ситуация распадается на множество частных мнений. Но за кадром остается, по крайней мере, одна легитимная в данной логике стратегия: кто и что препятствует в качестве репрезентативной точки зрения – если все они имеют право на существование – выстраивать христианскую позицию? Проблема, однако, есть, – она в затруднении доступа к ориентирам. Все же за нынешним горизонтом истории обретается не тотально постхристианский универсум, а, скорее, своеобразный исторический зигзаг: возврат ко временам Миланского эдикта, в пространства живой и яростной конкуренции мировоззрений. Вот что оказывается за фокусом восприятия.

С подобным шансом на обновление культуры и цивилизации можно связать даже определенный исторический оптимизм. То есть, что получается? Начала цивилизации, прочитанные свежим взглядом в условиях острой и живой полемики, могут обрести растрченную в столетиях полноту, но это обстоятельство в большинстве рассуждений оказывается выведенным за скобку, хотя именно с данным «потерянным» обстоятельством связана определенная историческая и социальная перспектива. Степень риска – в градусе самостояния человечества, в унаследованном сочетании его преференций и идиосинкразий. Когда выстроится внятная последовательность культурных и социальных усилий, то в какую историческую мишень полетят стрелы, куда окажутся нацеленными мысли и чувства? Возникает возможность прочитать в новой среде *прежние* основания в виде *иной* культурной и социальной версии мироустройства. Либо утвердить какие-то другие основания бытия.

Речь, конечно, идет о великом расколе или, быть может, лучше сказать о великом выборе, причем не в категории единого человечества, а для каждого человека, каждой личности, т.е. об индивидуальном выборе, в том числе в союзе с *симпатизантами* – единомышленниками (что и есть *еклесия* – церковь). По сути дела, постмодернизм – не только расколовшееся кривое зеркало, которое несли тролли и которое, попав в глаза, создавало множественную, искаженную тем или иным образом перспективу. Это, одновременно и предельная свобода действия, правда, в трагической ситуации. Во множественности прозрений и ослеплений возникает проблема удержания и обновления оснований – душе как Герде приходится истово трудиться – и тогда вместе с кривым осколком отселятся исторически прилепившиеся к оку фантазмы, мистификации, мифологемы. Так происходит революция.

Я обращаю внимание на забытое значение этого слова. Мы все время перетолковываем слова и вполне привыкли к тому, что фактически 99,9% людей «революцию» воспринимает как большой, а, точнее сказать, успешный бунт. Даже поговорка такая сложилась: *«то, что победило – революция, а то, что нет – мятеж»*.

Но все же это не совсем так.

Ре-волюция, если вдуматься в значение слова, – есть возвращение к началам, к истоку. И речь идет о колоссальной культурной революции в рамках современной цивилизации, для которой накопилось много причин – они тема отдельного большого разговора. Для нас же сейчас важно то, что революция имеет право на существование, как правомерное стремление к восстановлению попорченной истины. Право на гражданскую защиту. И как возможность существования в истории «человека на все времена».

На все времена – это значит, что совершенный человек может появиться и в Средневековье, и в Новое время, и в эпоху Постмодерна. Это также означает, что он может возникнуть и в Англии, и в Австралии, и в России. Дух реет, где хочет. Появление целостных личностей – этой власти вне государства, удерживающих собою, самым фактом своего существования смысл и образ бытия. И к тому же способных – наподобие цепной реакции – распространять пульсирующие организованности, генетику новой социальной среды.

Сейчас растет понимание, что смысл практики – совсем не политическое или экономическое конструирование. В предыдущее десятилетие мы привыкли к уничижительному толкованию культуры, фактически, свыклись с ним. Аранжировка политэкономических конструкторов легче воспринималась как «идеологическая», нежели как «культурная», общество привыкло воспринимать гуманитарные понятия маргинально – что уж говорить о метафизике. Иначе говоря, существовало «реальное дело» – политическое ли, экономическое; и некий «гарнир» – идеологическое или, как сказали бы сейчас, политтехнологическое оформление. В сущности – метафизика и онтология с этих позиций не более чем риторика, «золотая рыбка» на посылках.

Такой мир был выстроен в головах, и мир этот был выстроен на песке, вблизи полуразрушенной землянки. И этот мир будет сметен. Возникают новые субъекты исторической драмы, они не схожи между собой, у них различные цели и аппетиты, но есть, однако же, и нечто общее: они целеустремленны, метафизичны, амбициозны. Прежний мир для них «свалка истории». И одновременно весь этот растущий, пульсирующий конгломерат – меняющаяся субстанция жизни, в которой мы существуем, совершаем поступки, определяем цели.

Театр есть форма организации (самоорганизации) коллективного творческого акта – провокативной, коммуницирующей, бьющей через край энергии особого действия. Театр, выходящий за рамки сценической площадки – это заговор и революционная (контрреволюционная) организация в Советской России. Иначе говоря – это запретная и густо заминированная территория. Театральный жест в подобных условиях – второе рождение человека, его *выход на подмостки, выход на площадь*. 1968 год – не только майский Париж, но и августовская Москва – это развилка истории: два полюса состояния, две траектории движения мира.

4-Й ЭПИЗОД

Жизнь – скала, парящая в воздухе,
Будущее – двери, распахнутые в разные помещения,
Человек – загадка, у которой, однако, слишком много ответов.

Несколько слов о позиции исследователя – юриста, участвующего в процессе установления истины. Помню, в свое время, работая в Академии Наук, я как-то написал статью, в которой мой – чуть было не сказал «начальник» – впрочем, наверное, это вполне правильное для тех лет определение – сделал массу пометок на полях.

И одна из них была следующая: *«Академично пишете!!!»* (три восклицательных знака). Потом, видимо, человек понял, что написал что-то не то. Немного поработал ручкой и подправил: *«Псевдоакадемично пишете!!!»*.

Так что положение о примате объективного содержания научного текста над отношением, пусть и самого автора, к излагаемому, я воспринимаю, скорее, как достоинство, чем как недостаток. Потому что, в конце концов, личная позиция исследователя в отношении тех или иных процессов может меняться, не хотелось бы, однако, чтобы радикально и драматично перекраивалось при этом содержание написанных ранее работ. Хотя это, конечно же, возможно. Савл когда-то стал Павлом, и многое в мире изменилось... Причем, весьма радикально.

Достоинство аналитической рефлексии, научного мышления, даже в социогуманитарной сфере, – где, в общем-то, отсутствует аксиоматика и, временами, довлеет и господствует дискурс, – в том, чтобы совершать полноценный, без изъятий анализ проблемы или ситуации. На фоне корректно проведенного исследования личная точка зрения ученого может, конечно, иметь место, поскольку исследователь – человек, т.е., так сказать, неклассический наблюдатель, влияющий на ход интеллектуального эксперимента, имея при этом право на позицию. Но таковая должна быть «взята под уздцы». Потому меня, честно говоря, никогда не привлекали лозунги, наподобие знаменитого *«Иного не дано»*, *«Так думать – недостойно»*, *«Рано хоронить...»*, *«Но я все же верю в...»* (необходимое подставить). Либо любые другие оптимистичные или пессимистичные (эмоциональные, идеологические) клише и констатации, которые реальную дискуссию подчас выводят за скобку.

Если человек *«все же верит»*, то о чем говорить в подчиненной определенной регуляции научной дискуссии? Это будет совершенно иной формат диалога, скорее, полемического (политического) или метафизического (теологического), нежели аналитического, «расплетающего» ту или иную проблему. А познавать ясным умом окружающий мир и корректно обсуждать происходящие в нем события необходимо. Когда моя дочка была совсем маленькой (было ей тогда годика два-три, и она не так давно научилась говорить) случился забавный эпизод. Поспорили как-то раз супруга с приятельницей, и приятельница говорит супруге, причем весьма эмоционально: *«Ну, я просто не могу этого понять! Я не понимаю этого!»*. И вдруг ребенок поворачивается и очень внятно, с детской такой прямоотой и внятностью, произносит: *«А понимать надо!»*...

Мне кажется, что обходить острые углы под прикрытием того или иного эмоционального лозунга либо «интересов момента» – значит смешивать две субстанции: аналитическое, научное и, скажем так, эмоциональное, художественное мышление.

Если мы хотим удержать реальность, то должны улавливать и ее странные, и страшные грани. Эта проблема свалки человеческих отходов, проблема геенны огненной. Геенна – как раз и есть свалка, а «огненная» потому, что время от времени её поджигают, и она всегда горит...

В конце концов, регистр разговора – не священная корова: помимо научных работ существует публицистика, существуют *эссе*. Заглядывая за угол повседневности, мы всегда рискуем увидеть нечто неведомое. Знаете, мы привыкли воспринимать будущее достаточно легко. Но, кроме прочего, я еще и востоковед, а в восточном обществе сохранились реликты форм восприятия времени, где будущее совсем не та привычная нам линейная, векторная категория, а весьма хрупкая и сложная субстанция. Древний человек был обращен лицом к прошлому, будущее же представляло для него периферию, дикость, от которой лучше бы отвернуться. И в этом был свой резон. Потому что будущее в современном нам понимании человеку той эпохи было недоступно. Будущее, как мы его понимаем, требуется завоевывать, обрести. Хотя, конечно же, можно воспринимать будущее и достаточно механистично, как то, что нам *volens nolens* принесет время, словно пайку в лагере. Но таким образом мы попадаем не в будущее, а в некий темпоральный лабиринт, где время вроде бы идет, но будущее не наступает. Лабиринт, в котором можно безнадежно заблудиться, лишь увеличивая некий неопределенный срок.

То есть, от размышлений о праве *России* на будущее мы в какой-то момент переходим к иной пронзительной мысли: а *сами-то* мы как люди, имеем такое право или нет?

Итак, будущее – некоторый фазовый переход, другое качество бытия, нарушение положения вещей. Это – разрушение стереотипов, прыжок то ли через пропасть, то ли через накопившиеся груды мусора. И человечество тысячелетиями боялось подобного состояния, избегало его, создавая охранительные механизмы, изгоняло новации и новаторов, порою по-своему их социализируя – придавая роль трикстера, шута, но продолжая при этом старательно поворачиваться спиной к будущему.

Будущее возникает внутри. И будущее – это появление носителей будущего, личностей, которые, увидав иной горизонт, начали приближаться к нему. В синергии с персонами, которые симпатичны уже потому, что чувствуют те же вибрации. Собрание таких личностей образует некую организованность. Сетевую организацию. Была бы необходимость плодить «волапюк», я бы определил ее неологизмом «экогены будущего».

Применительно же к современному миру – можно называть «амбициозной корпорацией». А, в общем, если посмотреть на историю, то увидим, что возникновение нашей цивилизации – в смысле Большого Модерна, то есть христианской цивилизации – связано именно с такими, «амбициозными» людьми, которые образовали новый народ и выстроили, выстрадали новый мир.

Сетевая корпорация христиан создавала не только «новую историческую общность», она формировала новую географию: преобразуя прежнюю Ойкумену, творила деятельное пространство – вселенское царство, *Universum Christianum*. Где понятия национальных различий были совершенно неактуальны, они просто таяли: «мы – граждане неба»... Это уже после Столетней войны началось возрождение, новое прочтение языческого патриотизма. Но было то время, скорее, периодом определенного духовного упадка, нежели усиления христианских энергий цивилизации.

Амбициозные организмы, активные популяции по-прежнему возникают на планете и деятельно преобразуют ее, испытывая степень гибкости глобальной иммунной системы. Техногенная цивилизация в своей сетевой ипостаси создала среду, которая достаточно благоприятна для вирусно-полевых проекций новой культуры и ее носителей-холонов (мультирепликаторов). И что же происходит с миром? Попадание в историческую «черную дыру», истощение человечества, антропологическая катастрофа либо, напротив, интенсивное возрождение? Или нечто иное?

В истории тождественного не бывает, но подобное случается. И, в общем, когда обозреваешь «большие ситуации», то параллели – всегда имеют место, всегда *играют*. Я слушаю, наблюдаю окружающий мир, перед глазами разворачивается феерический калейдоскоп опыта; и сколько перед внутренним взором проходит ассоциаций, аналогий... Центральная позиция разговора для меня – право субъекта на свободное бытие, на автономию, на личность, на творчество, на суверенный выбор, на жест. Для человека, как образа и подобия Божьего, все это органично, естественно. А вот для того или иного сообщества – нет, хотя мы инстинктивно, автоматически переносим данное свойство с индивида на коллектив. Право на существование, право на будущее, право на суверенитет, право на Россию – все это скорее проблема, требующая постоянных усилий, нежели автоматически и навсегда поднесенная людям данность...

Время от времени сталкиваешься с неким устойчивым типом рецептов: надо, мол, убрать плохое, собрать хорошее, почистить все и соединить лучшее – то есть в головах, видимо, работает какой-то психологический вакуум-калькулятор, ведущий свою генетику от уборки квартиры. Все ж таки это логика завхоза, а не истории. Это что-то из сферы «президентских посланий». История же лишена механистичности, там действует иная логика. Когда складывалась действительно драматичная ситуация, подчас трагическая, – приходили варвары. Наступала ночь истории, а затем сияла заря, но уже не для всех. Современное состояние мира у многих рождает подобные аллюзии. На ум приходят и начавшееся переселение народов, и имперские судороги Четвертого Рима. Но Рим, или быть может Новый Карфаген, или даже возрожденная Этрурия претендуют сейчас на уже пережитое человечеством прочтение глобальности – на закрытие истории в бесконечности геоэкономического и геополитического гетто. То есть, в конечном счете, на погружение большей части людского сообщества в какую-то невообразимую архаику, в предельно отъединенное – даже от времени – пространство, своеобразный *Underworld*.

Человек – существо социальное, это его естество: даже в раю их было двое. Время – категория пульсирующая, выпуклая, оно имеет собственный свод – вечность; но лабиринт – нечто прямо противоположное: торжествующий топос. Блуждания в нем порождают отчаяние, стремление к отказу от прогнущегося (вогнутого) бытия: ибо это

издевка – время, вывернутое наизнанку, обращенное в бескрайний, но постоянно длящийся срок.

Действительно, бывают периоды экстаза или отчаяния, когда человек замыкается. В том смысле, что пространство бытия сужается, и возникает желание свести его во *все* или вывернуть в *ничто*. Ситуация не столь уж редкая для индивидов, а что касается сообществ, популяций – это другой вопрос. Экстаз мы оставим за скобкой, а вот когда общество начинает активно транслировать суицидальные эманации, оправдывая их стремлением к безопасности или к тотальному комфорту, то ведь, в сущности, нечто подобное Эмиль Дюркгейм и называл аномизацией (коллективным самоубийством общества). Архетип, наверное, еще глубже – это когда не пускают в бытие, когда небо закрыто – альтернативой чему становится *прямое действие*. И тогда остается или камнем в воду, или в Ноев Ковчег, или поджечь Рим.

Когда-то мир, возможно, пережил некую предельную ситуацию. *«Энох был взят как свидетель того невообразимого уровня падения, который был затем смыт потопом»*. То есть обычным человеческим умом, мы даже не можем представить себе те формы «людоедства», вышедшие из тьмы, и во власти которых оказалось всё человечество. (Мы поверим лишь живому свидетелю.) Но, видимо, были ещё и какие-то обольстительные тона, потому что над Ноем *смеялись*, когда строился Ковчег...

Обратимся к другому «трудному моменту», одному из порогов человеческой истории – Раннему Средневековью, которое нередко определяют как «темные века». В тот период социальное пространство, цивилизация, города сжимались до крохотных локусов – епархиальных площадок на развалинах былых форумов. Они были разные по характеру, держатели свечей культуры. Скажем, монастыри – и там поддерживалась обретенная историческая вертикаль, сохранялась культура мышления, опыт раздумий и откровений – богословие, а заодно и грамотность, и агрокультура, и многообразное другое удержалось от варварского вихря. Конечно, многим трудно совместить взгляды на средневековые монастыри как на обители обскурантизма и одновременно как на источники новаций и прогресса, современной культуры и цивилизации.

Со временем внеисторичность «дурной бесконечности» овладевавшей миром ослабевала, время утрачивало свою тираническую круговерть, вихрь затихал, срок исчислялся, архаика отступала... Цивилизация же обретала мышцы, ибо начиналось осмысленное движение, происходило «размораживание» сохраненных генов, обволакивание их плотью. Новые принципы формулировали критические коды поведения, формировали повседневность, горизонты бытия. Менялись люди, их мышление, взаимоотношения, быт. Возникла иная коммунальность. И разворачивался новый, ранее в своей полноте не известный, непрочитанный культурный текст...

Все это – пограничные, трансформационные ситуации, исторические лимитрофы. Как и тот процесс, который разворачивается сейчас в мире и в России. Но с чего я начинал последнее рассуждение, тем и закончу: подобное бывает, а тождественное – нет. Поэтому время, которое грядет, уникально, и у него своя правда и свои корни.

СОКРАЩЕННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПУБЛИКАЦИЙ А.И. НЕКЛЕССЫ

2000-2004 гг.

1. Новый Север и Глубокий Юг. Судьба дихотомии «Восток-Запад» в постсовременном мире / Институт мировой экономики и международных отношений Российской Академии Наук, Институт стран Азии и Африки при Московском государственном Университете им. М.В. Ломоносова – М.: Гуманитарий, 2004.
2. Стратегия и современность / Материалы организационно-деятельностной игры «Разработка контуров социально-экономической и социокультурной стратегии Республики Армения» Цахкадзор 26-30 октября 2003 г. / Университетская корпорация «Школа культурной политики». – М., 2003.
3. Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Руководитель проекта и отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002.
(Рец.: В.Л. Цимбурский. Русские и геоэкономика // Pro et Contra. – М., 2003, т.8, №2. – С.178-216.)
4. Неопознанная культура / Рабочие материалы расширенного заседания Научного Совета по проблеме мировой культуры при Президиуме РАН с участием теоретических семинаров научных организаций г. Москвы. – М.: Российская академия наук, Научный совет по истории мировой культуры, 2001.
5. Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Руководитель проекта и отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.1. – СПб.: Алетейа, 2000. – 320 с. (20 п.л.).
(Рец.: Т.Е. Савицкая. Глобализация-2 (Заметки на полях монографии) // Полис. Политические исследования. – М., 2001, №5. – С.154-162.; В.Л. Цимбурский. Русские и геоэкономика // Pro et Contra. – М., 2003, т.8, №2. – С.178-216.)
6. ORDO QUADRO. Политическое пространство и новый субъект действия в XXI веке // Пространство жизни субъекта / Отв. ред. Э.В. Сайко. – М.: Наука, 2004.
7. Новая земля и новое небо // Экономическая теория на пороге XXI века – 8: Глобальная экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. — М.: Юрист, 2004.
8. Реконфигурация мира // Россия в центро-периферическом мироустройстве / Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Институт проблем глобализации / Составитель и отв. ред. Д.Ю. Глинский. – М.: Московское представительство Фонда Ф. Эберта, 2003.
9. Трансмутация истории. Вступление в постсовременный мир // Цивилизация: восхождение и слом. Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса / Субъект в мире – Мир субъекта / Отв. ред. Э.В. Сайко. – М.: Наука, 2003.
10. Глобализация, геоэкономика и сетевая культура // Экономическая теория на пороге XXI века – 7: Глобальная экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, С.Н. Бабурина, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. — М.: Юрист, 2003.
11. Управляемый хаос: новый цивилизационный контекст // Связь времен (Сборник памяти Н.Н. Моисеева), т.3. / Отв. ред. В.А. Зятицкий. – М., 2002.
12. Ordo Quadro – четвертый порядок: пришествя постсучасного світу // Глобалізація. Регіоналізація. Регіональна політика. Хрестоматія з сучасної зарубіжної соціології регіонів / Укладачі І.Ф. Кононов (науковий редактор), Бородачов В.П., Топольськов Д.М. – Луганськ: Альма матер-Знання, 2002.
13. Четвертый Рим. Глобальное мышление и стратегическое планирование в последней трети XX века // Российские стратегические исследования / Отв. ред. Л.Л. Фитуни. – М.: Логос, 2002.
14. Глобализация и новое геоэкономическое мироустройство // От Сциллы к Харибде. Актуальный опыт России / Под ред. Ю.М. Осипова, О.В. Иншакова, Н.П. Ващекина, Е.С. Зотовой. Т. I. – М.: Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2002.
15. Творческий континент Россия // Суший. К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой / 2 изд., испр. и доп. – М.; Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2002.
16. Ordo quadro: пришествие постсовременного мира // Мегатренды мирового развития / Отв. ред. М.В. Ильин, В.Л. Иноземцев / Центр исследований постиндустриального общества. – М.: Экономика, 2001.

17. Конец эпохи Большого Модерна // Постиндустриальный мир и Россия / Отв. ред. В.Г. Хорос, В.А. Красильщиков / Рос. Акад. Наук, Институт мировой экономики и международных отношений. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
18. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Проблемы глобализации: реальность, тенденции, прогнозы. Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир» / Институт мировой экономики и международных отношений, Институт микроэкономики. – М.: Издательский дом «Новый век», 2001.
19. Система геоэкономического мироустройства как глобальный проект // Экономическая теория на пороге XXI века – 5: Неоэкономика / Отв. ред. Ю.М. Осипов, В.Г. Белолипецкий, Е.С. Зотова. – М.: Юрист, 2001.
20. Финансовый мир: реальные следствия виртуальных стратегий // Теоретическая экономия: реальность, виртуальность и мифотворчество / Отв. ред. Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова. – М.: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, ТЕИС, 2000.
21. Рах Economisana // Экономическая теория на пороге XXI века – 3: Экономическая цивилизация и научная экономия / Отв. ред. Ю.М. Осипов. – М.: Юрист, 2000.
22. Россия в шестиграннике // Эксперт. Урал. – М. – Екатеринбург, 2004, №11.
23. Постиндустриальный передел России // Россия XXI. – М., 2004, №2. – С.60-95 (1,5 а.л.).
24. Конец цивилизации или зигзаг истории? // Космополис. – М., 2004, №1 (весна).
25. Социокосмос: актуальная реконфигурация (хаотизация и новый порядок) // Безопасность Евразии. – М., 2004, №1.
26. Глобальная трансформация: сущность, генезис, прогноз // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 2004 №1.
27. Социокосмос, или мир по обе стороны исторического *Big Bang*'а // Россия XXI. – М., 2003, №5.
28. Инновационная Россия // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2003, №5. (В соавторстве с П.Г. Щедровицким).
29. Новая земля и новое небо: механика глобальной трансформации // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2003, №5.
30. Глобальная трансформация и российский узел: социальные конструкции постиндустриальной эры // Конструирование будущего. Журнал исследовательской группы /Административные системы управления будущего / Сборник материалов по итогам Первой междисциплинарной конференции «Форум будущего». – СПб.: Издательский дом «Corvus», 2003, №1.
31. Глобальный каталог // Москва. – М., 2003, №7.
32. Господин воздуха // Полис. Политические исследования. – М., 2003, №3.
33. Мир, который построил Буш: логика геоэкономической трансформации // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2003, №3.
34. Амбициозная корпорация // СоОбщение. – М., 2003, №5.
35. Логика глобальной трансформации// Москва. – М., 2003, № 5.
36. Инновация и революция // Дружба народов. – М., 2003, №4.
37. Стратегическая симфония // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2003, №2-4.
38. Версия силового обеспечения // Эксперт. – М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2003, №12..
39. Трансграничье, его ландшафты и обитатели. Из беседы на берегу Телецкого озера // Москва. – М., 2003, №2..
40. Глобальная трансформация и российский узел // Россия XXI. – М., 2003, №1.
41. Глобальные вершины, локальные ущелья // Москва. – М., 2003, №1.
42. Глобальный Град: творение и разрушение. Размышления об истории, о цивилизации и прогрессе // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2003, №1.
43. Внешняя политика нового мира: движение к нестационарной системе мировых связей // Pro et Contra. – М.: Фонд Карнеги за международный мир (Carnegie Endowment for International Peace), Осень 2002, т.7, №4. Внешняя политика нового века.
44. Меморандум «Северо-Запад». Миссия региональной корпорации // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2002, №6.
45. Глобализация, геоэкономика и сетевая культура // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2002, №4.

46. Управляемый хаос: движение к нестандартной системе мировых отношений // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 2002 №9.
47. Трансмутация истории. 11 сентября 2001 года в исторической перспективе и ретроспективе // Новый мир. – М.: Новый мир, 2002, №9.
48. Фабрики мысли спасли Америку. Станет ли Россия пространством *новых* возможностей? // Со-Общение. – М., 2002, №9.
49. Феномен 11 сентября и движение к нестационарной системе мировых связей // Россия XXI. – М., 2002, №4.
50. Момент истины. Заметки на полях постсовременной истории // Дружба народов. – М., 2002, №4.
51. Мир после 11 сентября: логика глобальной трансформации // Москва. – М., 2002, №3.
52. Интеллект, элита и управление // Россия XXI. – М., 2002, №1.
53. Глобализация и новое геоэкономическое мироустройство // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2002, №1.
54. Наука и высшее образование в постсовременную эпоху // Высшее образование сегодня. – М., 2002, №1.
55. Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2002, №1.
(Рец.: Д.А. Андреев, В.Б. Прозоров. Конспирология и эсхатология на рубеже миллениумов /раздел «От “Нового Ренессанса” к “Новому гностицизму”»// Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя / Под ред. Г. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2003. – С.167-170.)
56. Проект «Глобализация»: Глобальное мышление и стратегическое планирование в последней трети XX века // Глобальные и стратегические исследования. Вып.1 / Центр глобальных и стратегических исследований / Отв. ред. Л.Л. Фитуни. – М.: Институт Африки РАН, 2002.
57. Мир после 11 сентября // Безопасность Евразии. – М., 2001, №4.
58. Порог Нового мира // Москва. – М., 2001, №10.
59. Центральная Азия – опасный регион. Что надо сделать, чтобы он не стал очень опасным? // Азия и Африка сегодня. – М.: Наука, 2001, №6.
60. Первая война XXI века // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2001, №5-6.
61. Проблема XXI века // Эксперт. – М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2001, №34.
62. Преодоление афганского синдрома в Центральной Азии: моделирование безопасности // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2001, №5.
63. Вступление в постсовременный мир III тысячелетия. Размышления об истории, о цивилизации и прогрессе // Восток. – М.: Наука, 2001, №4.
64. A la carte // Полис. Политические исследования. – М., 2001, №3.
65. Трансмутация истории // Вопросы философии. – М.: Наука, 2001, №3.
66. Глобальный Город: творение и разрушение // Новый мир, 2001, №3.
67. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Безопасность Евразии. – М., 2001, №1.
68. Преодоление афганского синдрома в Центральной Азии – моделирование безопасности // Безопасность Евразии. – М., 2001, №1.
69. Российский проект в системе мировых координат XXI века // Проблемы развития. – М.: Национальный институт развития ОЭ РАН. – М., 2001, №1.
70. Новая картография мира // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2001, №1.
71. Финансовый мир // Мост. – СПб.: ЗАО «ОВИЗО», 2000, №40.
72. Ordo Quadro: четвертый порядок. Пришествие постсовременного мира // Полис. Политические исследования. – М., 2000, №6.
73. Трансмутация истории и ментальность человека (вступление в постсовременный мир III тысячелетия) // Мир психологии. Научно-методический журнал. – М.-Воронеж: Российская академия образования. Московский психолого-социальный институт, 2000, №4.
74. Осмысление Нового мира // Восток. – М.: Наука, 2000, №4.
75. Реквием XX веку // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 2000, №1-2.
76. Fin de Millennium, или Реквием XX веку // Экономические стратегии. – М., 2000, №1.
77. Проект «Глобализация»: Глобальные стратегии в преддверии новой эры // Безопасность Евразии. – М., 2000, №1.
78. Конец эпохи Большого Модерна // Знамя. – М., 2000, №1.

ВЫПУСКИ АВТОРСКОЙ СЕРИИ «СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ» ВЫХОДЯТ ЕЖЕКВАРТАЛЬНО, ЯВЛЯЯСЬ РАБОЧИМИ МАТЕРИАЛАМИ ПРОЕКТА «ИНТЕЛПРОС».

РАННЕЕ БЫЛИ ИЗДАНЫ:

- **А.И. Неклесса. Трансграничье, его ландшафты и обитатели / Научный Совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социокультурным проблемам глобализации / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.1 (лето 2002 г.). – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2002.**
 - **А.И. Неклесса. Стратегическая матрица / Научный Совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социокультурным проблемам глобализации / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.2 (осень 2002 г.). – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2002.**
 - **А.И. Неклесса. Господин воздуха / Научный Совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социокультурным проблемам глобализации / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.3 (зима 2002/2003 г.). – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2003.**
 - **А.И. Неклесса. Управляемый хаос / Научный Совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социокультурным проблемам глобализации / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.4 (весна 2003 г.). – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2003.**
 - **А.И. Неклесса. Механика глобальной трансформации / Научный Совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социокультурным проблемам глобализации / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.5 (лето 2003 г.). – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2003.**
 - **А.И. Неклесса. Амбициозная корпорация / Научный Совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социокультурным проблемам глобализации / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.6 (осень 2003 г.). – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2003.**
 - **А.И. Неклесса. Новая земля и новое небо / Научный Совет РАН «История мировой культуры». Комиссия по социокультурным проблемам глобализации / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.7 (зима 2003/2004). – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2004.**
-